

Ричард Длинные Руки. Демон Огня и Стали

Автор:

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки. Демон Огня и Стали

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки #55

Ричард Длинные Руки преодолел все преграды и заслужил отдых. Однако враги не дремлют, и Чудовищный Демон Огня двинулся через королевства, сея разрушения и ужас. А на верного Маркуса уже рассчитывать нельзя.

Словно этого мало, из убежищ начинают выбираться прежние властелины империй, и еще неизвестно, какой из врагов опаснее.

У героя остается не так много шансов уцелеть и остановить разрушение мира...

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки. Демон Огня и Стали

Часть первая

Глава 1

В зале повисла тяжелая гнетущая тишина. Я еще тупо соображал, как отреагировать, но, опередив меня, с резкостью в движениях поднялся сэра Альбрехт.

– Совещание прервано, – сказал он уверенно и властно, – на неопределенное время. В связи с неопознанной угрозой вся непререкаемая полнота власти переходит военному комитету во главе с его величеством Ричардом. Все свободны!

Члены Государственного Совета торопливо поднимались и гуськом, стараясь не привлекать внимания, спешно покидали кабинет.

Сэр Норберт усадил Тамплиера в кресло, Альбрехт придержал за плечи, паладин пытался вскочить, но граф Келляве уже вытащил из-за пояса кинжал, размерами с меч римского центуриона.

Забрало заскрежетало, когда кончик острия проник в щель. Келляве нажал, пытаясь выгнуть вмятину, Норберт и Альбрехт умело помогли, удержали Тамплиера.

Забрало звонко щелкнуло и закачалось на одной дужке, открывая красное распаренное лицо паладина.

Шлем сидит на его голове так плотно, будто насаживали кувалдой, Норберт и Альбрехт тащили вверх с таким усилием, что приподнимали массивного рыцаря, а его бычья шея вытягивалась, как у танцующей балерины.

Рокгаллер принял из их рук измятый шлем, кто-то с сочувствием вздохнул. Лоб и щеки Тамплиера в крупных каплях пота, по виску ползут, обгоняя одна другую, алые струйки крови, скула разбита так, что в кровавой яме видна белая кость, подбородок в крови, только глаза горят прежней яростью и жаждой схватки.

Альбрехт сорвал с шеи роскошный кружевной платок размером с платье новобрачной и самолично отер кровь с лица раненого рыцаря.

Я торопливо сотворил медный кубок с вином, Тамплиер предпочитает простоту, а изящные фужеры и усыпанные драгоценностями чаши считает греховными.

– Выпейте, дорогой друг, – сказал я настойчиво, – и расскажите подробнее, не прибегая к церковной ругани.

Кубок почти исчез в широкой ладони Тамплиера. Под нашими встревоженными взглядами он осушил его залпом, я наполнил снова. Альбрехт взглянул на меня со значением, Тамплиер когда-то отказывался от вина, сотворенного нечестивым колдовством, а я доказывал, что если Господь сотворил, то все по его разрешению и под его неусыпным наблюдением.

Норберт и Альбрехт не удивились, когда раны и ссадины Тамплиера начали быстро затягиваться. Исчезли даже шрамы, только Келляве вытаращил глаза, да сэр Рокгаллер охнул и придвинулся ближе, стараясь рассмотреть, как на скуле в скоростном режиме рассасывается чудовищная гематома.

Через пару минут лицо Тамплиера воссияло прежней невинной чистотой младенца, и если бы не его взгляд человека зрелого, упорного и стойкого в испытаниях, можно бы принять за юного, хоть и крупноватого оруженосца, впервые надевшего доспехи.

Келляве бросил взгляд на меня, я покачал головой. Мое умение ни при чем. У Тамплиера раны затягиваются быстрее, чем мои, и вообще у него ресурс от святости, а у меня хрен знает от чего, хотя больше грешу на магию, но соратникам вешаю лапшу насчет возможностей паладина и верного воина Господа.

– Господь послал испытание, – произнес Тамплиер трубным голосом, – чтобы здешний народ ужаснулся и покаялся!

Альбрехт пробормотал:

– И как остановить это испытание? Вывести навстречу церковный ход с хоругвями, епископами и певчими мальчиками?..

Тамплиер даже не повел бровью в его сторону, голос его стал громче и обрел нотки расчехленной иерихонской трубы:

– Господь мог бы уничтожить этот мир новым всемирным потопом! Он мог бы сжечь огнем города, как уничтожил Содом и Гоморру, но проявил милость...

Альбрехт пробормотал едва слышно:

– ...вообще-то ему не свойственную...

– И дает шанс одуматься! – закончил Тамплиер. Он хотел опустить ладонь на рукоять меча, но не нашел, сэр Келляве уже заботливо унес его в другой конец кабинета. – Мы должны!

Рокгаллер пробормотал:

– Ничего себе шансик... темный ужас из недр, говорите? Расскажите подробнее! И что за маги осмелились...

– Из бездн, – поправил Тамплиер прежним трубным голосом. – Темный ужас из темных бездн!.. Огромный, как гора, несокрушимый и раскаленный, как молот... его ничем не остановить!.. Пламенный Демон Огня и Стали, за которым все горит...

Я вскинул ладонь, прерывая его речь, и Тамплиер умолк, хотя паладины служат только Господу, а императоры для них совсем не императоры, ибо перед Богом все равны.

Все меняемся, мелькнуло у меня, но вслух сказал торжественно:

– Брат Тамплиер! Вы правы, это испытание нашей веры и стойкости. Но что именно темные маги подняли этот страх из глубин... из бездн?..

Он взглянул на меня исподлобья без всякой приязни.

– А кто его еще мог поднять?.. Только маги. А они все темные.

– Значит, – уточнил я, – вы их еще не видели?

Граф Келляве сказал в защиту доблестного паладина:

– Ваше величество, я и Господа не видел, ну и что?.. Здесь вообще все пакости от магов.

– Та-ак, – сказал я, – тогда подробнее, что собой представляет этот темный ужас?.. И почему он пламенный Демон Огня и Стали?

Тамплиер пояснил с заметной неохотой:

– Вообще-то красный, хоть и темный. Раскаленный!.. Не подойти. Под ним даже земля горит и плавится, как железо в горне. Я бы хотел бросить ему вызов на мечах или в конном бою... но не услышит! Такой грохот, до сих пор в голове камнедробилка.

Я наполнил для него кубок церковным кагором. Тамплиер зло блыкнул сердитыми глазами, во всем с моей стороны видит подвох, не забыл нашего поединка, но кубок взял и первым же глотком осушил до половины.

– Похоже, – сообщил он, – уничтожил по дороге какие-то деревни. Я встретил бегущих крестьян! Кто верхом, кто на телегах...

– Что делает этот Демон Огня? – спросил я. – Как уничтожает людей?

Он допил вино, Келляве взял из его руки пустой кубок и взглянул на меня, но Тамплиер показал жестом, что все, жажду утолил, ему достаточно и трех, аскеты должны питаться, как птички Божьи.

– Похоже, – ответил он мрачно, – простолюдины его не интересуют. Прет, как огненная гора, сжигая все на пути. Позади только выжженная и расплавленная земля!.. Целая река. Думаю, не ошибусь, если скажу, что вы и есть цель, сэра Ричард!

Все умолкли, я поинтересовался осторожно:

– А почему такое внимание к моей персоне?

Он перекрестился и ответил торжественно и так гулко, что под высокими сводами заметалось эхо:

– Если Демон Огня послан Господом, то вам пора ответить за свои грехи! А если дьяволом, то утащит в ад, как бы вы ни брыкались.

Поплевав через левое плечо при упоминании дьявола, он поднялся, громадный и преисполненный праведной веры, повел плечами. Доспехи даже не скрипнули, словно вросли в его тело, как хитин в жука-носорога.

Альбрехт пробормотал:

– Хоть так в ад, хоть так... Придется сэру Ричарду...

Тамплиер провозгласил мощно и праведно:

– Я вернусь и все равно остановлю его крестом и мечом паладина!

– Нет-нет, – возразил я, – возможно, это дело государственной важности. Потому отправлюсь лично.

– С эскортом, – уточнил сэр Норберт. – Это и по протоколу, да и все мы должны знать, что за враг.

– На пути демона город Ташрулия, – сказал Тамплиер. – Думаю, уже подошел к его стенам. При его скорости разрушит за час, даже меньше, а дальше... я не знаю, но остановить... просто не представляю чем, кроме нашей верности Господу и благочестия с мечом в руке!

– И молитвами? – буркнул сэр Норберт.

Тамплиер с очень серьезным видом покачал головой.

– Нет, – ответил он, – было бы слишком просто, чтобы Господь простил и отменил наказание всего лишь за молитвы.

– Жертвоприношением? – поинтересовался Альбрехт.

Тамплиер сказал напыщенно:

– Последней жертвой был Иисус, что добровольно принес себя в жертву и тем самым искупил грехи всех людей на свете. Другие жертвы запрещены.

– Это человеческие, – уточнил Альбрехт. – А если, скажем, козу или барана?

Тамплиер посмотрел на него с высокомерием благородного человека и не снизошел до ответа.

– А если две козы? – спросил Альбрехт. – Или даже стадо?.. Хотя стадо, конечно, жалко, но, с другой стороны, не свое отдадим, государственное... Ладно, сдаюсь. Только его величество и решит все одним мановением.

Я едва расслышал его слова, по телу снова теплая волна, затем почти сухой жар, распознал массу оттенков, что воспламенили нервы, в голове замелькали образы, яркие, но абсолютно не транскрибируемые, за пределами человеческой логики, но все же ощутил печаль и нечто похожее на нежелание уходить, но уходить все же почему-то надо...

«Что случилось, – спросил я мысленно, – что тебя тревожит?»

И снова масса чувств и цветовых пятен перед глазами таких ярких, что почти перестал видеть соратников, но на этот раз уловил отчетливо, что Маркус уходит, возвращается в прежнее пространство, нечто происходит в нем самом, он должен, обязан этого не избежать, ожидаемое тревожно и прекрасно.

Я с трудом интерпретировал как периодическую миграцию то ли на зимовку, то еще куда-то типа, а может, наступил сезон кладки яиц... или период гнездования... хотя перед ним должен быть период спаривания, если Маркус не относится к классу улиток, те гермафродиты по природе.

Альбрехт первым обратил внимание на мой остекленевший взор, наклонился в мою сторону.

- Ваше величество... думаете о чем-то высоком? В такое время?

Я пытался заговорить и не мог, настолько глубоко ушел в расшифровку чувств и образов неземного существа, наконец с трудом прокаркал:

- Да... высоким... принц... и даже глубококом...

Он напомнил сухо:

- Герцог, ваше величество.

- Приказ уже составляют, - ответил я с тем же трудом, но уже приходя в себя, - а с этим демоном... разберемся. Нужно только...

- Что?

Я молчал, перед глазами предстало небо, каким его видит Маркус, прекрасное и удивительное до дрожи в костях. Вряд ли именно таким видит, это постарался передать для меня, для него оно еще прекраснее, а я уже устремился туда всем существом, настолько там мир богатый и обещающий.

- Ваше величество?

Я прохрипел:

- Да-да, все думаю.

Альбрехт повернулся к соратникам, все помалкивают, на лицах тревога и сочувствие.

- Оставим его величество помыслить, - сказал он. - А мы отведем сэра Тамплиера в малый зал. Закатим небольшой пир в честь его возвращения, заодно подумаем, что и как.

Дверь за ними еще не захлопнулась, а я еще глубже погрузился в бесконечно прекрасный мир темной материи, что удивительно не темная, как мы привыкли

называть, хотя ни разу не видели. Там, среди исполинских космических струй раскаленной материи, источающих мощь и красоту многомерного пространства, я с потрясением увидел сужающуюся призрачную воронку, которая не существует, но она есть, как у нас есть такие же призрачные понятия, как долг, справедливость, чувство прекрасного...

Среди многоцветного хаоса угадывается место, уготованное для чего-то важного для Маркуса... я не мог подобрать термин, только чувствовал, что это связано с могучим зовом, которому Маркус противиться не может, как мы не противимся зову продления рода, иначе все, ради чего живем и работаем, будет напрасным.

Когда дверь отворилась, я не слышал, только ощутил в какой-то миг, что надо мной стоит Хрурт и озабоченно сопит.

Я вздрогнул, посмотрел на него дикими глазами.

– Что случилось?

– Да вот не знаю, – ответил он. – Час вот стою, а вы даже не шевельнулись. И глаза стеклянные.

– Спасибо, – сказал я, – что не вдарил. Это у меня медитация. Погружение. Как вон у тебя после трех кружек крепкого вина.

Он в изумлении вскинул брови.

– Всего трех? Сэр Ричард, вы точно кукукнулись. Мне и пяти мало. Чё-нибудь болит? Карла-Антонна позвать?

Я подумал, кивнул.

– Зови. Сейчас надо созывать даже тех, кого и не надо.

– Понял, – ответил он. – Если уж самого Тамплиера кто-то отделал... Бегу!

На пути к двери громко и страшно крикнул, из коридора заглянули двое в одежде слуг. Хрурт рявкнул приказ, и оба исчезли, а из коридора донесся быстро удаляющийся топот.

Глава 2

К тому времени как Тамплиера привели обратно, в моем кабинете уже собрались Карл-Антон, его незаменимый помощник Зейс, тихий и незаметный, как чучундр, а также Джонатан Кавендиш, королевский маг второго допуска, кавалер Золотой Кометы, более известный по прозвищу Лаперуза.

С Тамплиером вернулись Норберт и Альбрехт, а Келляве по моему указанию отыскал лорд-канцлера, тот как никто знает все королевства, должен рассказать о местах, где случился тот чудовищный и такой непонятный мятеж.

Тамплиер остался в полных доспехах, пусть даже заметно помятых, только шлем унесли в мастерскую. Келляве поглядывает на Тамплиера с одобрением, сверкающая сталь на доблестном паладине смотрится как собственная кожа, ничто не скрипнет, не звякнет, и сам держится так, будто в тонкой рубашке и брюках, по-мужски пренебрегая неудобствами сковывающего веса.

Кабинет постепенно заполнялся, Тамплиер отвечает сумбурно, но, когда вопросы со всех сторон, некая картина все же вырисовывается. Для него началось все в королевстве Иллюверния, это не вблизи Волсингейна и даже не в соседнем королевстве, но все же и не на окраине, багер туда идет всего несколько часов. Тамплиер как раз успел подняться на небольшой холм, откуда увидел странное зарево на северо-востоке, что воспламенило край земли и быстро продвигается в его сторону.

Будучи паладином и защитником, призванным и обязанным самим Господом, он повернул коня и помчался в ту сторону. И с каждым конским скоком зарево становилось ярче и страшнее. Ветер донес запах горячей земли, а потом донеслись крики испуганных людей.

Альбрехт сказал осторожно:

– Возможно, началось не в королевстве Иллюверния?

– В королевстве, – возразил Тамплиер.

– Полагаете, сэра, – спросил Альбрехт с язвительной ноткой, – он вылез из-под земли, как вы говорите, только при вашем появлении?

– Раньше его не было, – сообщил Тамплиер твердо. – Иначе бы люди прибежали ко мне за спасением!

– Гм, – сказал Альбрехт и перевел взгляд на Норберта.

Норберт кивнул.

– Уже послал проверить.

Тамплиер зло сверкнул глазами, но продолжал рассказывать, как зарево становилось все ярче, а потом увидел, как жаркое пламя движется по земле, сжирая ее с валунами, отдельными деревьями и даже лесом.

Он сотворил воскресную молитву, но огонь не остановился, а он рассмотрел, что в огненной стене неостановимо ползет некая красная гора, сверкающая металлом, похожая на рыцарский шлем, но размером выше самого высокого здания дворца в Волсингейне.

Когда его конь, что шел галопом, домчал его туда, гора Дьявола, как он назвал ее, уже проползла мимо в стене огня и черного дыма, а позади осталось раскаленное плато шириной в половину мили, как он определил на глаз, целиком из литого и пышущего огнем камня.

Жар был таков, что пролетающие птицы падали замертво и вспыхивали, еще не коснувшись раскаленной поверхности.

Он некоторое время скакал сбоку, выкрикивая угрозы и вызывая на честный бой. Гора Дьявола не ответила, как и направляющие ее нечестивые колдуны. Он пробовал творить молитвы – не помогло, и тогда повернул коня к ближайшей причальной пирамиде.

Все молчали, я видел по их лицам, что пытаются представить страшную картину разрушения, только сэр Норберт негромко поинтересовался:

– А помятые доспехи... и, гм, некоторые царапины?

Тамплиер ответил в крайнем неудовольствии:

– Что вы о таких мелочах? Спешил успеть на багер, пришлось протолкаться через охрану причальной пирамиды. Иначе бы опоздал.

– Протолкаться или прорубиться? – уточнил Норберт с беспокойством.

– Просто распихал, – ответил Тамплиер. – Грешно бить своих.

– Вы сделали правильно, – сказал Альбрехт. – Чем позже мы бы узнали, тем позже... гм... его величество приняло бы разумное решение. Как всегда недопонятое нами.

Я сказал раздраженно:

– Теперь скажите мне это разумное решение, я его щас же приму! А могу и вчерашним числом, чтобы этот Демон Огня, как вы его нарекли, вовсе не появился.

Норберт сел рядом с Тамплиером, тот неслышно шепчет про себя молитву, взгляд застыл, как и лицо, мысленно сражается с этим Демоном Огня и повергает его обратно в Ад.

– Дорогой друг, – сказал Норберт с настойчивостью в голосе, – попытайтесь вспомнить... кто-то из людей там был? Скрытых?

Тамплиер покачал головой.

– Я паладин, у меня с нечестивыми колдунами особые отношения. От моего взора не укроются как скрытники, так и незримники. И никто не уходит от лезвия моего меча, освященного на алтаре монастыря Святого Бенедикта!. Но я

не увидел ни мага, ни волшебника! Даже ни одного колдуна. Иначе бы...

- Да-да, - согласился Норберт, - вы бы их сразу и немедленно... Ваше величество?

- Да-да, - ответил я. - Отправьте людей побольше. В бой не вступать! Оставаться в качестве наблюдателей и вернуться с ясной картиной. Направление, возможные препятствия, скорость передвижения, масштаб разрушений...

Норберт быстро поднялся и пошел к двери в коридор. Я не стал смотреть, как он через приоткрытую дверь раздает указания, сказал Тамплиеру с уверенностью, которую не испытываю:

- Отдохните, дорогой друг!.. Мы скоро туда вернемся.

Сэр Альбрехт произнес с уверенностью:

- Ваше величество, маги императора Скагеррака наверняка ни при чем!..

- Тоже в этом уверен, - ответил я.

Келляве спросил с неудовольствием:

- Почему это?

Я кивнул в сторону Карла-Антон и Зейса, особенно выделил взглядом сгорбившегося Джонатана Кавендиша, кавалера Золотой Кометы, имперского мага, что сейчас выглядит испуганным и растерянным.

- Посмотрите на них.

Келляве посмотрел, нахмурился.

- Вы правы. Непохоже, чтобы такие. Хотя ваш Карл-Антон мог бы, как иногда кажется, однако блюдет вам верность, что выдает в нем человека очень благородного происхождения из старинного рода.

- Вот-вот, - ответил я. - Из оставшихся магов вряд ли кто-то...

- Тогда Странствующие?.. Что не ушли в пещеры?

- Да, - ответил я. - А это проблема. Если Странствующие в самом деле бродят среди людей неузнанными и обладают мощью Великих...

Норберт вернулся от двери и сказал ровным голосом:

- До отхода багера в том направлении еще двадцать минут.

- Поспешим, - велел я.

Все помедлили чуть-чуть, я видел, как на лицах появился ясно выраженный вопрос. Дескать, почему не на Маркусе? И быстрее, и не надо страшиться, что опоздаем, но никто не рискнул возразить, все заторопились к выходу.

Я перехватил изучающий взгляд Альбрехта, но даже ему вряд ли скажу, что у самого холодно и пусто в груди, чувствую себя как голый на пронизывающем ветру на вершине скалы да еще и в ночи.

Так привык к мощи Маркуса за спиной, что в самом деле заметно разленился и поглупел, но зато как было надежно, уютно и не надо думать о препятствиях!

Уже начал размышлять над важным государственным вопросом, подумать только, о роли и значении четвертой любовницы в деле укрепления обороноспособности империи...

Кивком велел Хрурту запереть за нами и никого не пускать, пока не вернусь. В груди разрастается тяжелая холодная льдина, как же страшно ощутить, что мы на враждебном Юге, а Маркус отбыл то ли на зимовку, то ли откладывать яйца.

И никому не скажешь, даже лучшие и ближайšie соратники могут проговориться на пиру или в постели, а я разом потеряю грозную славу Властелина Багровой Звезды Зла.

Нет уж, пусть все верят, что стоит щелкнуть пальцами, как Багровая Звезда возникнет и сотрет с лица земли хоть город, хоть королевство, если там посмеют вызвать мое неудовольствие.

Спускаясь по лестнице в нижний зал, Норберт бросил сухо:

– Про этого Демона Огня никому ни слова!

Никто не ответил, и так понятно, нам здесь только паники не хватает, прошли через залы расширяющимся клином, только на выходе сбили боевой строй.

Люди Норберта, которым он чуть раньше дал распоряжения, бросились к нам с уже оседланными конями в поводу.

Бобик носился кругами, пугая местных, подпрыгивал, показывая, что он сам всех врагов порвет, только возьмите, а еще будет по дороге ловить дичь и снабжать провиантом хоть целую армию.

Лорд-канцлер с группой членов Государственного Совета занял стратегическое место во дворе с таким расчетом, чтобы присутствовать при отбытии императора, не мешать и в то же время быть под рукой.

Я понял, оценил, подозвал его кивком. Он заспешил, даже не опираясь на трость, весь внимание и готовность исполнять мои мудрые указы.

– Сэр Джуллиан, – сказал я с чуть ли не искренним сочувствием, – сожалею, но о таком важнейшем для народного хозяйства империи деле, как выбор Государственным Советом для меня четвертой любовницы, отложим до возвращения. Увы, спасти мир тоже как бы важно. В некоторой степени.

Он поклонился со всевозможным почтением.

– Да, ваше величество, возвращайтесь поскорее. Я уловил в вашем голосе нежелание заниматься этим важнейшим в международной дипломатии вопросом...

Мне подвели арбогастра, я поднялся в седло и похлопал могучего зверя по шее, блестящей и абсолютно гладкой, как застывшая черная эпоксидная смола.

– Зайчик, мы снова в деле. Как и в старое доброе время!.. Бобик, вперед!

Радостный Бобик от счастья по-щенячьи взвизгнул и ринулся к выходу из дворца.

Сэр Джуллиан крикнул мне в спину:

– Однако же, увы, придется! Таковы реалии государственного устройства!.. Но мы можем к вашему возвращению все подготовить, не волнуйтесь!

Ветер засвистел в ушах, мы вылетели за пределы дворцового ансамбля, я едва успел расслышать последние слова лорда-канцлера, тут же всем отрядом с грозным грохотом копыт вылетели за пределы высоких зданий дворца.

Навстречу ринулись массивные и добротные дома горожан, и, лишь когда вырвались за пределы города, а впереди пошла навстречу быстро разрастаться в размерах причальная пирамида, сэр Альбрехт возник справа на своем огненно-рыжем коне, красивый и нарядный в расшитом золотом камзоле и в шляпе с целым веером белоснежных перьев.

– Слышали, ваше величество?

– Что? – ответил я строго.

– Обещают к вашему возвращению решить проблему!

– Не отвлекайтесь, – посоветовал я на скаку. – Опасность в самом деле... серьезная.

Его конь мчится рядом с арбогастром такой же веселый и беспечный, как и сам хозяин, только я смотрю на них сверху так, словно Альбрехт едет на пони, но Альбрехт крикнул беззаботно:

– Вы изворотливы, ваше величество! Чего раньше не замечал. Какой-то выход найдете.

– А если не найду?

Он с небрежностью повел плечами.

– Маркус по вашему желанию сделает прижигание этого прыщика каленым железом на нежном теле земли. Только и всего!

Я ответил строго:

– Ищете легкие решения?.. Господь не для того создал человека.

– Все еще наказывает потомков Адама, чтобы в поте лица?

– Нет, оказывает доверие.

Глава 3

С трех сторон на вершину причальной пирамиды ведут ступеньки, а с четвертой проложена покатая горка, это для конных дворян, можно вскачь с разгону взлететь на самый верх.

Мы так и сделали, и едва конские копыта ступили наверх, как в небе показалась снижающаяся платформа с трепещущими на ветру красными полотнищами и хищно задранной головой дракона из красной меди.

Багер выглядит празднично, словно и строили для перевозки знати, даже я не сразу бы подумал, что изначально это простая тележка для перевозки тяжелых слитков редкоземельных металлов из подземного рудника в расположенные на поверхности заводы той исчезнувшей эпохи.

Всадники Норберта выглядят солидно, всем видом показывают, что уже передвигались на багерах, ничего особенного, но остальные заметно оживились и большими глазами смотрят на это чудо.

Едва эта варварски разукрашенная и разрисованная всеми цветами платформа, символизирующая могущество императора, тяжело коснулась бортом края площадки, местные часовые тут же распахнули широкую калитку.

Первым, распихивая неповоротливых, на площадку багера вскочил Бобик.

Загрузкой всадников уверенно и безукоризненно точно руководил Милфорд, а когда мы трое неспешно поднялись на площадку, предупредил:

- Ваше величество, через три минуты эта штука отчалит!

- Успеваем, - ответил я.

Альбрехт за моей спиной сказал с ехидцей:

- И как это сооружение смеет не подчиняться воле императора?

Я сердито блынул в его сторону глазами, но промолчал. Сам знает, что меня это раздражает, и при малейшей возможности вмешаться в этот процесс обязательно влезу, пусть даже и наломаю дров.

Сэр Норберт, как и его разведчики, все еще в седлах на сухих поджарых конях, легких, быстрых и выносливых. Граф Келляве и другие военачальники тоже не решаются оставить седла крупных рыцарских коней, умеющих быстро разогнаться на короткие расстояния для удара по врагу.

Снизу с земли машут шляпами, наиболее ревностные подхалимы из числа придворных проводили нас верхами и выказывают сейчас переполняющие их чувства верности, преданности и готовности служить еще ревностнее.

- Сейчас отойдет от башни! - предупредил Милфорд. - Держитесь крепче!

На этот раз все с поспешностью покинули седла, хватались за перила и друг за друга, только сэр Норберт, Милфорд и двое из его команды остались в седлах, выказывая неустранимость и умение управлять конями.

Тамплиер остался на своем громадном белом коне, почти таком же огромном, как мой арбогастр. Конь Тамплиера могуч и нетороплив, и мало кто знает, что способен набирать огромную скорость, хотя и не с места, как мой пышногривый Зайчик.

Почти все столпились у бортов по периметру, с изумлением всматриваясь в мир внизу. Только я один, наверное, ощутил, что багер отделился от причального мостика и пошел в сторону, но для всех это мир сдвинулся и пугающе быстро начал отдаляться.

Альбрехт сказал с нервным смешком:

- Когда привыкну?.. Всякий раз как в холодную воду...

Багер, продолжая ускоряться, поднимался еще некоторое время, затем пошел ровно и на сравнительно небольшой высоте.

Внизу поплыл нескончаемый лес, иногда проглядывают небольшие озера, зеленые холмы, чаще всего тоже покрытые лесом.

- Быстрее всего привыкают простолюдины, - пояснил я. - Простые люди редко чему-то удивляются. Это нам все знать надо... А если чего не понимаем, просто неудобство какое-то внутри.

- Неудобство? - сказал он. - Это вам неудобство, а меня просто бесит от бессилия!

- Перфекционист, - сказал я с чувством превосходства.

Багер, как мне показалось, прибавил скорости, внизу зеленый лес сменился россыпью мелких болот, явно было нечто огромное, уступающее напористому лесу. Затем снова холмы, зеленые долины, редкие проплешины степи и лесостепи, опять леса...

- Это все еще наше? - спросил я.

Альбрехт сказал с покровительственной ноткой:

- Почти треть королевства уже позади. Эта штука мчится быстрее птиц!.. И как только...

- Не начинайте, - прервал я. - Сэр Альбрехт, не начинайте!

Он взглянул на меня с прищуром.

- У меня впечатление, что вы знаете, ваше величество. Но почему-то помалкиваете.

- От бессилия, - ответил я, - от бессилия, дорогой друг!..

Он кивнул вниз.

- А земля внизу так и просится под пашни.

- К счастью, - ответил я, - надеюсь, вы поняли, дорогой принц!

Он не понял, судя по его виду, но смолчал, поглядывал на отряд, что благоразумно сгрудился на середине платформы, где удерживают обеспокоенных лошадей.

Лишь несколько человек все еще перемещаются по краям багера, рассматривая скользящий внизу мир.

Не все успели побывать на багерах, мелькнуло у меня, теперь впечатлений будет на всю жизнь. А если по пути попадется еще город или село, то какая же радость хотя бы плюнуть с высоты. Тот, кто выше по титулу, всегда и трон свой ставит выше, так что все по Дарвину.

Альбрехт ушел к Норберту выяснять проблемы безопасности, взамен подошел Келляве, грозный и могучий в доспехах, рукоять огромного меча выглядывает

из-за плеча, напоминая о готовности покинуть ножны во славу и для.

– Ваше величество, – поинтересовался он сдержанно, – а почему такой выдающийся воин, я говорю о Тамплиере, несколько удален от дворца?

– Удален? – переспросил я. – Откуда такое впечатление?.. Тамплиер там, где нужнее. Что ему во дворце, танцы разучивать?

Он сказал задумчиво:

– Гм, тогда мне просто почудилось...

– Не почудилось, – ответил я, понизив голос. – Он по той же причине не бывает во дворце, по которой я пока не спешу привозить сюда отца Дитриха с его командой. И Тамплиер, и отец Дитрих – союзники, но не подданные...

– И Тамплиер не подданный?

Я покачал головой.

– Он подданный Господа Бога...

Келляве не сводил с меня испытующего взгляда.

– Это как? Монах?

– Можно и так, – согласился я. – Хоть молитв почти не знает, как и заповедей, но соблюдает в строгости. У него чувство веры и справедливости! Он истинный паладин, а вот мое паладинство у него под сомнением. Вообще полагает, что Господь меня только терпит и ждет, когда оступлюсь, чтобы стереть с лица земли и ввергнуть в ад.

– Ух ты, – сказал он потрясенно, – а почему не стереть вас с лица земли сразу?

– Добрый вы человек, граф, – произнес я с укором. – Господь милостив, это раз, хотя Тамплиер полагает, что чересчур. А главное, только об этом никому, от

меня пользы Господу вообще-то больше, чем от чистого душой Тамплиера, и Господь это видит. На Севере я укреплял и восстанавливал церкви... Хотя что это я объясняю? Мы все нужны! И как борцы с нечистью, и как правители, что направляют народ на борьбу с соблазнами, а не на примирение с ними, что ведет к деградации общества... Да-да, вот таким макаром! Нужно уметь смотреть в будущее.

Он сказал с неудовольствием:

- Ваше величество, если бы я умел, стал хотя бы королем!.. Ну пусть герцогом...

- Герцогом можете, - заверил я. - Такие вопросы Господь поручил решать мне.

- Здорово! Доверяет, значит.

- А потом спросит, - пояснил я, - не слишком ли щедро я раздавал титулы?.. Так что сперва нужно приложить усилия, а потом мое величество изволит посмотреть.

Он поклонился и сделал было шаг отступить и удалиться, но остановился и спросил шепотом:

- Ваше величество... а почему на этот раз не воспользовались вашей ужасающей Багровой Звездой?

Я взглянул на него с сомнением.

- Думаете, нужно было?

- Ну да, - воскликнул он с жаром. - Для Багровой Звезды это же что нам жука раздавить на дороге!.. Хотя я жуков давить не люблю, но вы раздавите кого угодно, вы же император!

Я вздохнул, сам ощутил, как взор у меня становится мудрым и глубоким, проговорил голосом Познавшего Истину:

– Сэр Гастон, Господь постоянно испытывает и проверяет нас. Багровую Звезду послал, чтобы проверить нашу стойкость и веру в победу над злом, а затем оставил ее у нас, чтобы проверить уже более важное...

Он насторожился, спросил шепотом:

– Что, ваше величество?

– Нашу взрослость, – сообщил я. – Сможем ли сами решать трудные проблемы? Или без Багровой Звезды никак?.. Я чувствую нутром паладина, что это трудное испытание покажет Господу, что мы и кто мы есть на самом деле.

Он вздохнул, лицо его омрачилось.

– Ох, ваше величество... Но я не представляю, как мы справимся...

– И я не представляю, – ответил я честно, – но давайте попробуем. Если Господь в нас верит...

– А Он точно верит?

– Раз проверяет, – ответил я, – значит, рассчитывает на нас. И нам дает знак. Дескать, если обосремся, спишет и нас со своего божественного счета. Так что надо, сэр Гастон!

Через час и самые любопытствующие начали отходить от перил. Внизу все так же быстро проносится нескончаемая зелень лесов, мир одинаков, только однажды в сторонке промелькнуло одинокое село, даже деревня, но и ту не рассмотрели с такой высоты.

Я создал горку сахарного печенья и кофе, угостил Альбрехта и Келляве, отнес и Норберту, единственному, кто остался у края платформы багера, всматриваясь в летящий навстречу мир.

– Сэр Норберт...

Он взял печенье и чашку с кофе, но сказал с укором:

- Ваше величество, так могут и забыть, кто здесь император!

- Я напомню, - сказал я с укором. - Но сейчас я боевой вождь и соратник, как пишут в хрониках. Равный, но первый. Или первый из равных, не помню.

- Хотел бы я заглянуть в эти ваши хроники, - обронил он. - Прекрасное печенье!.. Если свергнут, пойдете в кондитеры?.. Цены такому не будет. Кстати, судя по словам Тамплиера, скоро прибудем?.. Или он по церковному времени?

- Хотелось бы, - сказал я, - чтобы наш доблестный паладин ошибся. Чтоб не через шесть часов, а через шестьдесят, а лучше больше...

- Чтобы у нас было больше времени?

- Да, - сказал я с сердцем. - Понимаю, что он мог прийти вообще из империи Великие Горы... он же с той стороны прет?.. Там тоже страдают люди, но там чужие, а тут наши!

- Ваши, - уточнил он. - Хотя да, и наши.

Он оборвал себя на полуслове, уставившись на нечто за моей спиной. Я торопливо оглянулся, сердце сжалось.

Далеко-далеко на краю видимости виднеется кровавое зарево, но не рассвет и не закат.

Норберт, глядя в другую сторону, сказал быстро:

- А вон и причальная!.. Всем подъем, подъем!.. Готовимся к выходу!

Многие к этому времени уже улеглись, прикрывшись плащами, теперь торопливо вскакивают, еще сонные, хватают коней и поднимаются в седла, которых так и не снимали.

Багер начал неспешно снижаться, я поймал взглядом четырехугольную вершину причальной пирамиды. Там толпа возжелавших то ли по делам, то ли просто прокатиться и пошалить по моде столичных жителей.

Альбрехт покачал головой, я сказал со вздохом:

– Ограничим. Это сейчас из-за конца света все правила и законы рухнули.

– Ограничения прежние?

– Еще чего, – буркнул я. – У меня нет такого почтения к титулам. Привилегии будут получать нужные стране и сельскому хозяйству люди.

За нашими спинами сэр Норберт сказал властно:

– Всем полная готовность! С багера быстро, но без толкотни!

Багер снижался и все больше замедлял движение. На причальной пирамиде машут руками и шляпами. Край платформы коснулся массива причальной пирамиды бесшумно, словно просчитывает скорость и расстояние, хотя на самом деле срабатывает программа тех времен, когда никаких причальных пирамид не существовало.

Работники пирамиды тут же распахнули разделяющие багер и вершину пирамиды воротца. Толпа встречающих, что на самом деле собравшиеся прокатиться на багере, поспешно расступилась.

Милфорд двинулся вперед, показывая дорогу. Он здесь не бывал, но причальные пирамиды везде примерно одинаковы, хотя у большинства только ступеньки, по которым так не любят спускаться кони.

Копыта гулко простучали по широкому дощатому настилу из новеньких, но уже затоптанных досок. Кони храпели и неохотно спускались по наклонной плоскости, кое-кто даже пробовал садиться на зад.

Норберт крикнул кому-то:

– Проследить, чтобы спуск сделали ровнее и более пологим! Мы пришли всерьез и надолго!

Милфорд прокричал бодро:

– Сделаем!

Уже и королям готовы приказывать, мелькнуло у меня. Молодцы, уверенно смотрят в будущее. А я чувствую себя так, словно с потерей Маркуса разоружили и оставили голым перед полчищами врага.

Но король, напомнил я себе, всегда должен быть бодр и весел. Особенно если он уже император.

Когда спустились на землю, охраняющие башню по периметру стражники с ужасом уставились на Тамплиера и поспешно отступили, закрывшись щитами и выставив перед собой копья.

Я спросил тихо:

– Многих вы зарубили?

Тамплиер ответил с достоинством:

– Ни одного даже пальцем!.. Они выполняют свой долг, я свой. Но мне пришлось несколько растолкать их... Иначе мог бы не успеть на багер, тот уже причалил.

– Добрый вы человек, Тамплиер, – сказал я.

Он ответил с достоинством:

– Важнее быть справедливым, сэра Ричард, о чем вы, наверное, все еще не слышали. А то, что молоты о меня поразбивали, ничего, другие из казны получат.

– Да, – согласился я, – добрым быть проще. А еще проще добреньким.

Норберт коротко оглядел отряд, все ли на месте, оглянулся на меня.

Я кивнул, и он крикнул зычно:

– Бросок на восток!.. В сторону вон того зарева!.. Дозорные вперед!

Хотя, как я заметил, тройка легких конников во главе с Милфордом прямо с наклонной плоскости пирамиды, не задерживаясь, умчалась в сторону пожара.

За Норбертом в стремительном галопе отправилась еще почти половина нашего маленького отряда, а рыцарская часть тяжелым галопом пошла следом.

Глава 4

Арбогастр и конь Тамплиера держатся рядом, оба рослые и пышногривые, только мой черный как само зло, а Тамплиеров белоснежный, какими рисуют ангелов.

Нас догнал на злом и быстром коне Альбрехт, крикнул, придерживая ладонью шляпу:

– А ваша собачка тоже там!

– Вот дурень, – сказал я с тревогой. – Разбаловался в неге, теперь и магам на шею кинется целоваться!

– Отыщет?

– Обязательно! У него чутье.

С каждым конским скоком впереди все мощнее разгорается страшное зарево. Мое сердце сжалось, если там пожар, то захватывает площадь побольше, чем в милю. Тамплиер прав, даже отсюда виден ужасающий масштаб разрушений.

На фоне красной стены огня мелькнула фигура всадника, исчезла, затем прямо из огня с грохотом копыт выметнулся на взмыленном коне Милфорд, от обоих пахло жаром, лицо и вся одежда разведчика в копоти.

- Дальше никак! - крикнул он. - Чуть не сгорел, одного из моих едва загасили! Даже сапоги вспыхнули, будто из соломы.

- Остальные? - спросил Норберт.

- Послал обойти Демона Огня, - ответил Милфорд. - Надо посмотреть, что с другой стороны.

- Береги людей, - напомнил Норберт.

Я со страхом всматривался в приближающуюся огненную стену. Двигается не прямо, наискось, но накаленный воздух заставляет морщиться.

С каждой минутой огненная стена становилась все выше и шире. Теперь отчетливо видно, что движется достаточно быстро, приблизительно со скоростью быстро шагающего человека.

Если не сменит направление, то вскоре упрется в каменистые холмы и нагромождение скал.

- Только наблюдать! - крикнул я. - Все, что узнаем, увидим, заметим... Бобик, туда не лезть! Держись рядом, меня спасти будешь!

Дважды ярко блеснуло из огня, словно солнечный зайчик, я сжался в ком от дурного предчувствия, но лица моих орлов хотя и тревожные, но все бодрятся, дескать, и не в таких передрягах бывали, хотя вообще-то не бывали, зато уверены во мне, а у меня в животе все айсберги Антарктиды, холодно и тяжело, а в мозгу трусливенькая мысль: а по Сеньке ли шапка?

- Это демон, - сказал Келляве авторитетно. - Маги в таком аду не выживут!

Норберт бросил, не поворачивая головы:

- Уже ищут. Где-то должен быть...

- Полагаете, - сказал Альбрехт, - маги не сумели бы остаться незримыми?

- Полагаю, - отрезал Норберт, - бросили вызов, чтобы их заметили. А разговаривать хотят на своих условиях. Недаром сэр Тамплиер заявил, что те подняли темный ужас из бездны и потребовали покорности и сдачи!.. И хотя никаких магов не увидел и требований не услышал, но это очевидно...

- Не успел, - уточнил Норберт.

- Пусть не успел, - согласился Альбрехт, - но не сомневается, что маги хотят все решать с позиции силы и своей власти.

Келляве проворчал:

- Решать?

- Маги не воины, - пояснил Альбрехт. - Если могут принудить и покорить без сражений, так и делают...

Я почти не слушал, всматриваясь в жаркую стену огня, что с виду движется медленно, но это потому, что далеко, вздрогнул, наконец сообразив, что огонь стелется только внизу по земле, а выше нечто металлическое, настолько блестящее, что огонь отражается по всей поверхности, из-за чего все это выглядит со стороны сплошной стеной пламени.

Чудовищный Демон Огня, как назвал его Тамплиер, выглядит монолитом, но я присмотрелся, сердце трепыхнулось. На самом деле это нечто из трех плотно наложенных одна на другую исполинских плит, нижняя тупо и мощно прет в одном направлении, вторая на ней слегка поворачивается из стороны в сторону, словно сканируя мир вокруг, а верхняя, что напоминает верхушку рыцарского шлема, такая же неподвижная, как и самый низ, только на вершинке поблескивает синий огонек, словно вспыхивает электросварка.

Основание платформы окружено плотным пламенем, то ли ползет по земле, то ли двигается на некой глубине, погрузившись под собственной тяжестью, а сама

земля тоже горит и превращается в огненную магму...

Альбрехт сказал настойчиво:

– Ваше величество?

– Послать впереди этой твари двух на быстрых и выносливых конях, – велел я. – Пусть предупредят впереди, чтоб ушли в сторону.

– Норберт уже распорядился.

– Если попадетса деревня, – сказал я, – нужно забрать скот и все, что могут унести или увезти.

Норберт кивнул Милфорду, тот повернул коня и умчался к ожидающему распоряжений отряду.

Через мгновение оттуда отделились двое всадников и в яростном галопе понеслись параллельным курсом с Демоном Огня, стараясь догнать и обогнать.

Бобик посмотрел на меня и, не получив запрета, подпрыгнул и ринулся вслед за Милфордом, которого уже признал как друга, раз принимает от него дичь и потому с ним так приятно общаться.

– Хорошо, – сказал Норберт, – похоже, прет не быстрее пешехода.

– Все бы так ходили, – обронил Келляве.

– Правда, – уточнил Норберт, – быстрого. И что-то не обращает внимания на ваше величество. Про нас вообще молчу...

Альбрехт предположил:

– Ждут, что устрешенный император сам пойдет к ним на поклон?

– Не знаю, – ответил Норберт сумрачно, – однако вот он вызов. Как ответим?

Их взгляды уперлись в меня, я чувствовал напряжение и тревогу, но с усилием заставил голос прозвучать ровно:

– А никак. Пока никак. Реальной опасности нет, не так ли?.. Я пока заметил только отдаленное давление. Которое истолковать можно так и эдак. Насколько это сложная игра, пока не представляю.

Они молчали, озадаченные, наконец Альбрехт заметил с осторожностью:

– Насколько это мудро, судить не мне, однако... ваше величество, вы теряете свою стремительность. Что, мне кажется, не совсем в вашем стиле и поведении. Это уже старость?

– Не надейтесь, – огрызнулся я. – А с империей на плечах не до стремительности. Чуть не так шевельнусь, все рухнет.

– Да, – согласился сэр Келляве, – даже не почешешь нигде всласть.

Норберт предложил:

– Рассмотрим ближе?

Арбогастр подо мной дернулся вперед раньше, чем Норберт договорил.

Ветер засвистел в ушах, я пригнулся, а то раздувает рот, делая его похожим то ли на пасть гигантского сома, то ли на хомяка в период осенних сборов зерна на зиму.

Альбрехт и Норберт ожидаемо отстали, однако Зайчик так и не успел набрать свою фирменную скорость, далекая стена огня вырастает очень быстро.

Арбогастр сбросил скорость, как только мы увидели на фоне красной стены огня идущую на рысях в ту же сторону конную разведку.

Задний оглянулся на грозный гул копыт моего черного коня.

– Ваше величество?

– Где остальные? – спросил я.

– Поехали предупреждать народ, чтобы убрались с дороги. А Милфорд скачет перед Демоном Огня и всячески его обзывает!

– Зачем? – спросил я. – Впрочем, понятно. Никому не приближаться к этой твари, запомнили?.. Когда настанет час битвы, я подам знак.

– Какой?

– Увидите, – пообещал я.

За спиной простучали копыта коней Норберта и Альбрехта, еще не в мыле, но на моего арбогастра покосились с ревнивой обидой и осуждением, как на хвастуна и предателя.

Альбрехт морщился от жара, наконец надвинул на глаза шляпу, придумав ей и утилитарное применение.

– И не останавливается отдохнуть? – спросил он. – Тогда можно рассчитать, сколько пройдет за сутки. А если впереди гора?

Норберт поехал чуть в сторонке, крикнул оттуда:

– Мне кажется, он и вышел со стороны гор, прорубив дорогу через каменные стены.

Альбрехт поинтересовался:

– А если кто-то из магов вызвал его прямо здесь?

– Тоже может быть, – согласился Норберт, – но вот посмотрите... Вон там нечто вроде широкой просеки через лес?

Норберт прав, мелькнуло в мозгу. В той стороне, откуда двигается эта огненная тварь, все еще пожар, но заметно, что горит справа и слева, а посередине красно-черная полоса, словно земля постепенно переходит из расплавленной магмы в твердое покрытие.

Часть разведчиков понеслась за Огненным Демоном, остальные растянулись вдоль края остывающей, но все еще раскаленной каменной тверди, оставленной за чудовищным демоном.

- А где же те, - поинтересовался я, - кто предъявил мне такой ультиматум? Насчет все пропало, сдавайтесь, покоритесь, падите ниц?

Альбрехт тоже посмотрел по сторонам, снял шляпу и помахал ею перед лицом.

- Жарко здесь. Может, уже знают судьбу предыдущих ультиматистов или ультиматовщиков?

- Может, - подтвердил Норберт. - Но тогда как с ними вести переговоры?

- Те предыдущие, - напомнил Альбрехт, - тоже намеревались вести переговоры с помощью подметных писем. Но его величество со всем присущим ему коварством и бесцеремонностью северного варвара...

Наши кони шли шагом в сторону полосы, оставленной за Огненным Демоном, словно дорожка за ползущим слизнем, очень большим слизнем.

Мы с каждым конским шагом чувствовали нарастающий жар, но, к счастью, ветерок не в нашу сторону, удалось приблизиться на десяток шагов, там с двумя разведчиками стоит с таким же несчастным видом, как и у его хозяина, крупный конь графа Келляве, а он сам в полных воинских доспехах явно готов к бою, разве что забрало пока что поднято.

Он оглянулся, вскрикнул мощно:

- Ваше величество!..

- Не жарко, сэра Гастон?

– Есть немного, – ответил он скромно, – железо, правда, накалилось, а конь вообще дальше никак...

– Подковы греются, – предположил я. – Земля остывает медленно.

Он посмотрел вслед медленно отодвигающейся стене огня.

– Этот Демон в самом деле только один?

Я смолчал, пока информацию только начинаю собирать, Норберт сказал сухо:

– Рассчитывали на армию?

Он ответил мужественным голосом:

– Конечно! Сэр Ричард сразился бы с их вероломным предводителем, а мы отважно и доблестно сшиблись бы с его нечестивым воинством!

Я ответил подобающим тоном:

– Мы на Юге, дорогой граф. А здесь все не так, как у людей. Потому надо быть готовыми к неожиданностям совсем неблагородного типа.

– И не отступать, – добавил Альбрехт с ехидцей. – Мы же не кони. По крайней мере с виду.

Келляве бурно запротестовал:

– Отступать? Кто сказал отступать? Я надеялся вступить в бой сразу, сходя с багера!.. А здесь что? Здесь хуже, чем отступление. Здесь вообще непонятности!

– Вся жизнь непонятность, – изрек Альбрехт. – А его величество сэр Ричард делает ее еще непонятнее и загадочнее.

Демон Огня продолжал уходить все дальше и дальше, за обугленными пнями открылась широчайшая каменная полоса багрового цвета. На самом деле не полоса, как может смотреться с багера, а раскаленное красное поле, что пышет жаром, медленно теряя красноту и обретая солидную багровость, что, как догадываюсь, пройдет тоже, и перед нами будет сплошная гранитная плита шириной примерно в полмили, как и сказал Тамплиер.

- Красиво, - сказал Альбрехт.

- Не настолько, - согласился я, - как ваша шляпа, но впечатляет.

Келляве с железным скрипом развернулся в седле в сторону Альбрехта.

- Красиво? - спросил он с негодованием. - Красиво только то, что создано руками Господа!.. А эту мерзость создали...

- Люди, - подсказал Альбрехт.

- Маги уже не люди, - возразил Келляве. - Они перестали быть людьми, как только занялись нечестивой магией, запрещенной Церковью... И вообще, зачем эта плита позади?

- А она не позади, - предположил Альбрехт. - Демон Огня ее творит перед собой, иначе провалится. Потом вползает на нее и ползет дальше. Так, ваше величество?

- Не совсем, - ответил я, - но так, если для доступности.

Он кивнул, удовлетворенный.

- Думаю, плита не просто плита, как во дворе перед дворцом, а здесь толщиной в ярд или в два! Как думаете, ваше величество?

Келляве тоже смотрит с надеждой, что вот сейчас все объясню, я сглотнул горький ком в горле, Маркус ушел, совсем ушел, чувствую всеми фибрами, но они ждут, я проговорил бесцветным голосом:

– Скорее в десяток ярдов. Если не больше. Скажем, для посадки космических челноков потребовалось бы толщина... гм...

Они смотрели с недоумением, я с досадой махнул рукой, дескать, не берите в голову, мало ли чего ваш император несет, он же умный, ему можно.

Сэр Норберт проговорил с задумчивым видом:

– Вообще-то двигается в ту сторону, где Волсингсбор... Не понимаю только, зачем так издалека?

– А если их цель, – сказал Альбрехт, – не разрушить столичный город империи, а принудить его величество к сдаче?.. Дают время подумать: вдруг его величество тугодум, каким смотрится издали и в профиль?..

– Или к выполнению их условий, – предположил Келляве. – Почему не предположить, что Волсингсбор им тоже нужен целым и невредимым?

Норберт, не скрываясь, огляделся по сторонам.

– Интересно, наблюдают ли за нами?.. Иначе как поймут, что мы убедились в их мощи и теперь им пора начинать выдвигать нам условия?

Келляве зарычал и, с лязгом опустив на рукоять меча ладонь в булатной перчатке, с угрозой и надменностью во взоре посмотрел по сторонам.

– Мощь человека, – заявил он, – только в его доблести и верности заветам предков!

Глава 5

С нами остались трое из конной разведки, остальные исчезли в клубах дыма, им нужно обогнать Демона Огня и предупредить всех на его пути о надвигающейся беде.

Альбрехт приподнялся в стременах, придерживая ладонью шляпу, где хвастливые белоснежные перья успели почернеть от копоти.

– Ваше величество, – сказал он и с хищным видом огляделся по сторонам, – с вашего высокого разрешения, даже высочайшего, малость пройду по следу. Интересно взглянуть...

– Там все еще пожары, – напомнил я. – Ваша несомненная доблесть не выдержит вес упавшего на голову дерева.

– Редколесье, – ответил он с лихостью, – сгорело все, а пепел остывает быстро. Да и не полезу в самый огонь.

– Я с вами, – сказал Норберт. – Раз уж в огонь не полезете.

– Польщен, сэра Норберт!

– Вместо увидим больше, – сказал Норберт, – даже если будем смотреть на одно и то же.

– Ну еще бы, – ответил Альбрехт уже с неудовольствием. – Раз я в шляпе, то замечаю только придворных женщин!

– Вот-вот, – согласился Норберт. – Но раз женщин нет, то вам придется...

– Берегите себя, – велел я, – как сэра Альбрехт бережет свою шляпу.

Ответа я не услышал, умчались с грохотом копыт. Арбогастр пошел легкой рысью вдоль горящего кустарника, по ту сторону тянется темно-красная полоса раскаленной, но уже остывающей земли.

Несет сухим нестерпимым жаром, меня старается загородить от него граф Келляве, ровный, как скала, смотрится как продолжение своего массивного и флегматичного с виду коня.

Ладонь графа то и дело с лязгом падает на рукоять исполинского меча, что выдает его злость и раздражение, но, сколько бы ни всматривался по сторонам,

нигде не видать тех, кто вызвал это огненное чудовище из недр или бездн.

- Противник будет, - заверил я. - Вообще-то их есть, как говорят в народе, очень даже есть, только успевай оттаскивать. Будут битвы, дорогой сэра Гастон!.. Без них разве жизнь?..

- Прозябание, - согласился он. - Даже если четыре любовницы. Хотя, конечно, императору можно бы и пять...

- И вы туда же, - сказал я с сердцем. - Это государственная необходимость, как отмечено в дворцовом протоколе. Ничего личного!.. На самом деле у всех нас ничего личного, если подумать. Вот вы женаты, но разве это не выполнение долга перед родителями, кланом, обществом?.. Вы обязаны, согласно завету Господа, плодиться и размножаться. Над нами довлеет долг с момента рождения!

Он посмотрел на меня косо.

- А я думал, первородный грех...

- А если это одно и то же?

Он вздохнул:

- Да, конечно. А разницу между плодиться и размножаться мне подробно растолковал сэра Растер. Как он сейчас?

- В самых горячих точках, - сообщил я. - Отряды из неукротимых очищают окраины от чудовищ.

- Чудовища здесь откуда только и берутся, - ответил он. - Смотрите, как эта огненная сволочь прет и не заморится!.. Как по шнурку каменщика идет... Не пора звать Маркуса?

Я посмотрел на него свысока, тем более что мой арбогастр повыше его крупного коня.

– Сэр Гастон, дело не в том, что это недостойно рыцарской чести. Маркус послан как испытание.

– Разве мы его не прошли?

– Испытание не в победе с мечом в руке, – сказал я тем тоном, каким со мной беседовал отец Дитрих. – В старину говорили, нужно пройти огонь, воду и медные трубы. Огонь и вода позади, но сейчас опасно громко и победно гремят в нашу честь медные трубы...

Он повернул голову, я встретил его слегка недоумевающий взгляд на спокойном лице уверенного в Господней благодати рыцаря.

– Ваше величество?

– Как справимся с обрушившейся на наши плечи славой? – пояснил я. – Это нелегкое испытание, сэр Гастон.

Он пробормотал:

– Вообще-то знаю. Но вам-то откуда, ваше величество? Вы так молоды...

– Старые книги читал, – ответил я.

Кусты с этой стороны, где прошел Демон Огня, сгорели начисто, на деревьях еще тлеют ветки в алых огоньках, стволы черные, но пожар заканчивается там, где и начался, с обеих сторон этого страшного следа, оставленного Демоном Огня, не распространяясь в зелень леса.

Сопровождающие нас разведчики то и дело уносятся вперед, Бобик разрывается между верностью мне и жаждой увидеть и узнать больше, убегает еще дальше их, явно догоняет даже Милфорда, что уже скачет впереди этого огненного чудовища, а возвращается захекавшийся, но довольный приключением.

Келляве косился по сторонам, но никакой южный демон не выпрыгивает из-за деревьев, чтобы испытать воинскую доблесть северянина. Жаждавший схватки меч с тоской и горечью остается в изукрашенных северными умельцами ножнах.

Ехал так в мрачной задумчивости довольно долго, наконец пророкотал в нерешительности:

– А вообще-то вы правы, ваше величество, кто бы подумал!.. Если Демона Огня уничтожит Маркус, про нас начнут говорить, что без Багровой Звезды ничего не стоим.

Я сказал с облегчением:

– Благодарю, сэра Гастон, за понимание.

– Надо самим! – бухнул он. – А если не получится, тогда можно и Маркуса позвать...

– Абсолютно верно, – сказал я. – Именно так!.. А никак иначе. О нас всегда ищут что сказать плохое, а уж если есть повод...

– А нет повода, – сказал он, – то найдут. Но лучше не давать.

Ехали то рысью, то шагом довольно долго. За это время вернулись несколько человек из конной разведки. Направление, в котором двигается Демон Огня, уже определено, достаточно и одного человека, чтобы ехал далеко впереди и предупреждал там, чтобы убирались с дороги.

Милфорд доложил:

– Я оставил там троих. На всякий случай. Вдруг у кого конь захромает. Да и для проверки, а то вдруг этот демон свернет...

Келляве взглянул на темнеющее небо.

– Он и ночью, – поинтересовался он в пространство, – будет вот так?.. Или устроит привал?

– Мы устроим точно, – сказал я. – Глуповато в темноте переться через лес.

На западе неспешно багровеет небо, но Демон Огня ближе, зарево от него мощнее и чудовищнее, а когда на небе угасли последние краски, я скомандовал:

– Здесь переждем ночь! Посмотрим, что изменится.

Милфорд остановил коня и тут же принялся расседлывать, а Келляве спросил с надеждой:

– А что-то изменится?

– Конечно, – заверил я.

– Ваше величество?

– Появится вектор, – ответил я туманно. – Если Демон Огня и утром будет двигаться с той же скоростью и в том же направлении, это одно, а если изменит одно или другое, то... будем думать дальше.

Он кивнул с полнейшим удовлетворением на лице.

– Абсолютно верно, ваше величество. Зачем думать заранее?.. Мы что, не люди. Свершится, тогда и подумаем.

Милфорд расстелил на пепелище конскую попону, подняв легкие серые хлопья в воздух.

– Ваше величество!.. У меня небольшой сухой запас, но троим на ужин как раз!

– Я император не гордый, – заверил я.

Оставив коней молча подъехавшим разведчикам, сели прямо на еще теплую после пожара землю. Кое-где еще догорают кусты, делая наступающую ночь чем-то вроде праздника разнузданных ведьм.

Остальные конники расседлали коней и, навесив им на морды торбы с овсом, устроились неподалеку, время от времени поглядывая в нашу сторону.

Милфорд хлопотал, вытаскивая из седельной сумки хлеб и сыр, лицо гордое и счастливое, будет ужинать с самим императором и высокородным графом Келляве, о котором в армии знают как о доблестном рыцаре, преисполненном всяческих достоинств.

Я дождался, когда Милфорд опустошил недельный запас конного воина, сказал с надлежащей полевому командиру скромностью:

- Кое-что добавлю, вон граф ждал вина, но так и не дождался...

Келляве запротестовал:

- Ваше величество, какое вино в походе?

- С императором можно, - заверил я. - Император вне закона.

- Над законом, - уточнил Милфорд.

- Верно, - согласился я, - быстро схватываете, юноша. Далеко пойдете, если власть не остановит ваши благородные порывы.

- Или женитьба, - уточнил Келляве. - Женитьба кого угодно остановит.

Над попойкой задрожал воздух, сгустился, блеснули в багровом свете пожара медные бока пузатого кувшина, следом три чаши, а затем уже куда быстрее возникли тушки еще горячих и со следами вертела птиц, свежий хлеб и сахарное печенье.

Келляве одобрительно крякнул, Милфорд смотрел зачарованными глазами, а Келляве взял кувшин, улыбка стала шире, как только ощутил по тяжести в руке, что сосуд полон.

- За победу, - сказал я, когда он разлил вино по чашам.

Милфорд протянул руку, но задержал ее и взял свою только вслед за графом, блюдя субординацию.

– За победы, – ответил Келляве.

Я сделал первый глоток, подавая сигнал, что да, можно начинать, Келляве и Милфорд выглядят счастливыми, а у меня в черепе бьется все та же мысль: как справиться с Демоном Огня при отсутствии Маркуса?

Бобик примчался захекавшийся, с высунутым языком, но, когда Келляве предложил ему половинку тетерева, лениво зевнул, лизнул графу руку и рухнул у его ног, сытый и довольный.

– Нажрался, – определил я. – В пожаре много зверья сгорело. А то и наловил по дороге, без этого и жизни не мыслит. Допивайте вино, граф. Скоро рассвет, нужно успеть соснуть.

Альбрехт и Норберт появились поздним утром, когда наша группа седлала коней. Оба с красными лицами, пахнут горелым, морды у коней в мыле, животы блестят от пота, даже упряжь в клочьях пены, а у сэра Альбрехта на правом рукаве белоснежные манжеты запачкались и вроде обуглились, словно успел загасить огонек в самом начале.

Я посмотрел с подозрением, Альбрехт пояснил с веселым смешком:

– Мы решили, что раз уж все равно вас не догнать, ваше величество, а за вами граф Келляве с ребятами сэра Норберта посмотрит, чтобы вы пальчик в носу не сломали...

– Ну-ну, – прервал я, – и чего от вас так странно пахнет?

Норберт хмыкнул, Альбрехт ответил с некоторым хвастовством:

– Мы решили посмотреть, что за каменная слизь тянется за нашей улиткой.

Норберт уточнил:

– И немного попробовали на ощупь нашими копытами.

– Копытами коней, – поправил Альбрехт на всякий случай.

– Сумасшедшие, – сказал я с сердцем. – А если там только с виду камень, а на самом деле не камень?.. Даже не знаю насколько глубоко?

Альбрехт сказал уже серьезнее:

– Честно говоря, ваше величество, мы до такого не додумались, а то, верно, были бы осторожнее. Вы у нас в самом деле мыслитель, кто бы подумал, глядя на вас... Мы проехали, как и собрались, в обратную сторону, там уже немножко остыло, а потом даже не знаю, кому из нас взбрело в голову, а то и обоим сразу, но попробовали... честно, если бы пришло такое в голову, что провалимся или прилипнем, а то и превратимся во что-то непотребное, ни за что бы... Но мы, оказывается, люди простые, как ваши солдатские сапоги, ваше величество...

Норберт прервал:

– Сплошная плита без единой щели. Гладкая, но копыта не скользят. Мчаться по ней настолько здорово, что даже сэр Альбрехт хоть и в шляпе, но и то... Но мы, конечно, всего чуть-чуть, а вот кони заволновались, им жарче...

Я сурово взглянул на Альбрехта.

– Что не так с моими сапогами? Во-первых, я должен быть свой в доску для армии!.. Во-вторых, сапец не должен быть привередливым. В-третьих, нигде не жмут и сидят, как моя кожа. И вообще, император сам творит моду!

Он покинул седло, отступил на шаг для поклона, которым сам и полюбовался, поправил сдвинувшийся на груди кружевной бант, еще вчера белоснежный, а сейчас как будто его трижды окунали в деготь, сушили, а затем окунали снова.

– Ваше величество...

– Что не так?

В его взгляде я заметил некоторое снисхождение.

– Только не на Юге, – проговорил он, – ваше грозное величество. То, что носим мы, они сбросили с себя четыре тысячи лет тому. Потому над нами сдержанно так это... улыбаются. Ваше величество, а что, если попробовать узнать, где начинается дорога этого огненного слизняка? Вдруг в этом какие-то возможности?

– В правильном направлении смотрите, принц, – сказал я. – А я думал, вы только по бабам.

– Бабы по вашей части, – возразил он. – Меня больше привлекают утонченные и элегантные женщины.

– Вот-вот, – сказал я сурово, – а нужно, чтобы ничто не привлекало, кроме нашей великой Отчизны и служения ее идеалам!.. Если не мы, то кто?..

– С любых высот в любое место, – сказал он с поклоном, – помним-помним. Хоть и непонятно, зато красиво. А еще насчет грядущего подъема сельского хозяйства уже все выучили.

Мне подвели арбогастра, я поднялся в седло и взял повод.

– Надеюсь, принц, вы и сэр Норберт перекусили в седлах?.. Попробуем догнать нашего Демона Огня. Что же это за тварь, что за тварь...

Глава 6

Пожары иногда полыхают на милю в обе стороны, но мы заметили, что огонь на деревьях гаснет, как только Демон Огня с его неистовым жаром удаляется хотя бы на три-четыре сотни ярдов.

Параллельно с этой непонятной тварью продолжали двигаться достаточно долго, прет с той же скоростью и в том же направлении, расплавленная земля кипит, Демон Огня буквально плывет в центре бассейна из бурлящей магмы.

Эта расплавленная проплешина в земле передвигается вместе с ним, оставляя позади постепенно остывающую ярко-красную поверхность, что становится багровой, а потом уже неотличимой от обычного гранита серо-коричневого цвета.

Я направил Зайчика поближе к Демону Огня. Арбогастр проскочил между горящими деревьями, дальше озеро кипящей оранжевой земли, а в центре неспешно и неумолимо прет исполинская блистающая пирамида с острыми краями, подминая под собой уже раскаленную докрасна землю. Остальные все же старались держаться чуть подальше.

Конные разведчики то возникают с нашей стороны двигающегося пожара, то мелькают уже через огненные блики по ту сторону остывающего камня. Осмелели, приближались бы и ближе, но испуганные кони упираются и грозят сбросить неразумных седоков.

Норберт часто пускал коня вперед, выслушивал доклады, а когда солнце поднялось к зениту, подъехал ко мне с угрюмостью на лице, но по обыкновению собранный, с прямой спиной и суровым взглядом.

– Сэр Ричард, – сказал он сухо, – вам уже можно оставить здесь отряд и вернуться в столицу. Ребята будут следить за каждым шагом этой твари! Если что, сразу примчатся с сообщением.

Альбрехт промолчал, но по его лицу я заметил, что с мнением начальника имперской разведки согласен.

– Если ничего, – ответил я, – тоже пусть докладывают. Когда ничего, это тоже что-то.

Келляве, что с самым разочарованным видом едет сзади, пробасил в недоумении:

– И что?.. Возвращаться?.. А нечестивые колдуны?

– Из столицы найти легче, – заверил я. – Там и зацепки какие-то, и в архивах вдруг что-то отыщется... А здесь уже видно, что наскоком не выйдет, хотя и

хочется. Сэр Норберт?

Норберт сказал ровно:

– Мы от причальной пирамиды далековато, ваше величество. Думаю, если даже помчимся вскачь, на багер опоздаем.

Все трое смотрели на меня с ясным вопросом в глазах, но я сделал вид, что не уловил намек на Маркуса, ответил с беспечностью:

– Ничего, успеем на следующий. Зато в дороге умные мысли чаще приходят в голову.

– В седле трясет, – заявил Келляве авторитетно. – В черепе бултыхается, вот и перемешивается. Умные мысли тяжелые, обычно на самом дне, а так всплывают.

Норберт, получив исчерпывающий ответ, повернул коня и понесся в обратную сторону, поднимая копытами облако пепла.

Наша часть конного отряда некоторое время двигалась по обе стороны, потом Милфорд сообразил, что охранять нас в безлюдном лесу как-то глуповато, увел всю команду вперед.

– Ничего, – проговорил Альбрехт, – мне кажется, умные мысли действительно порхают здесь на просторах и потому чаще попадают в наши черепа, чем в тесных стенах дворцов...

– ...где столько женщин, – договорил за него Келляве тем же тоном. – Вы правы, сэр Альбрехт! Нужно даже вам иногда вырываться из их цепких лап. А то вон у вас уже какое дивное сооружение на голове...

Он сказал с такой убежденностью, что Альбрехт невольно вскинул руку и потрогал поля шляпы.

– Победители пользуются спросом, – сказал я объясняющим тоном. – Вот и сэр Альбрехт...

Келляве проговорил суровым голосом:

– Но разве победа есть победа, если в захваченных городах не изнасилованы женщины побежденных? Главная цель войны, как учит Священное Писание, посеять на новых землях семя из наших чресел!.. Потому я все еще не уверен, что здесь, на Юге, мы победители.

Он замолчал, Альбрехт поглядывал на меня с интересом, как выкручусь, я подумал и сказал рассудительно:

– Я уже объяснял, мы здесь не победители, а спасители. А спасенных насиловать как-то не совсем, хотя и можно. Но с их согласия.

– Да? Тогда спасенные сами должны...

Альбрехт ответил графу с ехидной ухмылкой:

– А разве здесь не так?

Келляве умолк на полуслове, сам как-то бурчал, что здешние женщины даже высшего сословия готовы отдаваться северянам при первой же возможности, а этих возможностей во дворце столько, что даже неловко за них да и за себя тоже.

Бобик унесся так далеко, что исчез из виду. Альбрехт пустил коня в галоп, догоняя Норберта, я придержал арбогастра – ну что у нас самцов за страсть к доминированию, даже своим близким нужно обязательно выказывать превосходство.

Когда догнали, долгое время молча скакали тесной кучкой, потом я заметил, как первым начал уставать тяжелый конь Келляве, Норбертов тоже в мыле, чуточку придержал своего.

Все трое ожидаемо обогнали, Келляве оглянулся.

– Ваше величество?

– До причальной еще далеко, – напомнил я. – Поедем шагом, пусть кони отдохнут. А потом еще рывок – и будем на месте.

Альбрехт приподнялся в стременах, покрутил головой.

– Как вы все хорошо ориентируетесь... А я даже не уверен, в ту ли сторону едем.

Келляве сказал с чувством полнейшего превосходства:

– Что значит, дитя дворцов!.. На простор, дорогой герцог, тоже нужно хоть иногда. Мы все-таки воины. Или вы как? Оужанились? Шляпа вон какая... А перья, перья!

Причальная пирамида медленно проступила на дымном горизонте, неохотно росла и наливалась зримостью. Мы пришпорили коней, однако вскоре вдали в клубах дыма показался скачущий навстречу всадник на легком неподкованном коне.

Милфорд, это был он, издали помахал рукой, а когда поравнялся с нами, сообщил с огорчением:

– Багер только что ушел!.. Следующий через двенадцать часов. Но ваш песик, ваше величество, натаскал по дороге столько дичи, месяц в поле прожить можно!..

Я бросил недовольно:

– Где этот предатель?

– Следит, как разделываем, – сообщил он. – Ребята разжигают костры, снимают шкуры. Езжайте, не торопясь, как раз зажарят к вашему приходу.

Некоторое время ехали молча, Альбрехт сказал со вздохом:

– Вы наслаждайтесь жарким, а я, пожалуй, заеду к местному королю. А то невежливо!..

– Ну да, – согласился Норберт, – и местным дамам засвидетельствуете со всемошником северных варваров. А то вашу шляпу так и не увидят, а это просто недопустимо.

Альбрехт ответил с высокомерием аристократа:

– Мы не варвары, сэра Норберт!

Я кивнул молча, Альбрехт пригнулся к конской шее, гикнул и пустил скакуна в стремительный галоп.

Норберт проводил его задумчивым взглядом.

– Он прав, нам тоже стоит посетить королевский дворец. Что-то да узнаем.

Я подумал, пожал плечами.

– Следующий багер через двенадцать часов?.. Тогда в самом деле вы правы, можно. Граф, а вы как?

Келляве сказал с достоинством:

– А я, с вашего позволения, предпочту с воинами у костра!.. Здесь жаренный на вертеле олень и воинские песни. А вы там пьянствуйте, разлагайтесь.

Норберт сказал вполголоса:

– Как будто мои ребята могли не захватить вина... Да и местный король, уверен, уже велел доставить людям императора все необходимое, а вино, как известно, самое-самое в мужской жизни. Не зря же Ной виноградную лозу первой перенес в ковчег и берег как зеницу ока, а потом высадил тоже раньше любых других растений и даже злаков.

Я приподнялся в стременах, Норберт проследил взглядом, куда я указал рукой с указующим перстом.

- Вон там и есть столица?..

- Да вроде бы, - подтвердил он. - Раз причальная пирамида здесь, то и столица обязательно рядом. Всегда так, хоть и непонятно. Ваше величество?

- Не причальные так строили, - в который раз пояснил я, - а столицы возле тех мест, где останавливались багеры. Хотя не столицы еще, а просто деревушки первых уцелевших... А город отсюда такой нарядный и светлый! Не скажешь, что там страдают угнетенные.

- А они там страдают? - спросил он с сомнением.

- Везде страдают, - пояснил я. - Угнетенные те, кто считает себя угнетенными.

Он подъехал к ближайшему костру, я не слышал, что говорил, но трое вскочили и бросились к коням. Норберт не успел вернуться ко мне, как они умчались в сторону городских ворот.

- Да мы и сами бы управились, - сказал я.

Он ответил равнодушно:

- Но лучше, когда там знают, что едут гости.

- Думаете, сэр Альбрехт не предупредил?

Город издали смотрится милым и в меру величественным, особенно на фоне дикого леса, а когда мы неспешно подъехали, там стражники поспешно распахнули перед нами обе створки, вытянулись, глядя испуганно вытаращенными глазами.

- Знают, - сказал Норберт, - сэр Альбрехт предупредил.

- Или ваши люди успели, - ответил я. - Вы правы, отпадает необходимость объяснять, кто мы и что мы. Лишь бы сэр Альбрехт не отчудил, типа по новым правилам нас нужно целовать в задницы...

– Сэр Альбрехт очень серьезный человек, – возразил Норберт. – Это здесь, на Юге, иногда воспринимает местных слишком несерьезно...

– Так мы сейчас на Юге, – напомнил я.

Ворота прошли на рысях, миновали несколько таких же провинциально милых улиц, наконец выбрались в центр, где раскинулась тщательно вымощенная светлым камнем обширная площадь, а на том конце высятся полукругом три роскошнейших здания.

Норберт заметил ровным голосом:

– Неплохо для столицы королевства.

– Даже роскошно, – согласился я.

– Но не Волсингсбор, – уточнил я, – соблюдают субординацию.

– Это Великие Маги соблюдают, – сказал он и взглянул на меня коротко, понимая, как кольнет меня напоминание о нерешенной проблеме. – Местным разрешено разве что выбирать цвет чулок. Да и то, судя по тому, что эта мода не меняется тысячу лет, чулки наверняка им тоже маги придумали...

Я промолчал, настроение в самом деле из-за Великих Магов стало хуже некуда, это как больной зуб, что и так ноет, а если случайно надкусить на него, то это вспышка пронзительной боли.

Из головного здания поспешно выбежали пышно разодетые в одинаковые одежды цвета червонного золота и одинаково подстриженные парни с трубами в руках, торопливо выстроились в две шеренги.

Едва копыта наших коней процокали по каменным плитам двора, трубачи быстро расступились и, вскинув свои сверкающие инструменты широкими раструбами к небу, издали радостный вопль.

– Почти фанфары, – сказал я, Норберт повернул голову, ожидая продолжения, я кивнул в сторону крыльца. – Вон сэр Альбрехт вышел нас встречать, насчет

медных труб он объяснит. Он чаще бывает там, где они трубят, трубят...

Норберт взглянул с недоверием.

– Сэр Альбрехт?

Я пояснил с небрежностью:

– Вообще-то это сложный богословский вопрос... что как раз по части сэра Альбрехта, он чаще всех напоминает насчет отца Дитриха и его необходимости здесь. Думаю, он с удовольствием поговорит на эту тему, стараясь разъяснить на простом и понятном для воинов языке.

– Да, – согласился Норберт, – мне как можно проще. Но со ссылками на откровения апостолов и Святое Писание.

Альбрехт ожидает нас у дверей, а из здания начали выплескиваться группами ярко одетые мужчины и женщины. Фасон тот же, отметил я, что и в Волсингсборе, так что со связью с метрополией все в порядке.

За нами неотступно едут двое конников Норберта, остальные уже в городе шустрят насчет безопасности императора, но большая часть уже здесь, хотя, понятно, во дворце наше появление – полнейшая неожиданность, и к покушению на мою священную особь еще никто не готов.

Мы втроем покинули седла, местные лакеи выбежали навстречу и приняли коней.

– Ну, – сказал я, – посмотрим, чем здесь кормят.

– Вас никто не перекулинаруит, – обронил Норберт то ли в похвалу, то ли в несвойственной ему иронии.

Высыпавшие навстречу придворные торопливо расступаются, но кланяются как-то неуверенно. Альбрехт хмыкнул, все понятно, трое перепачканных в золе и покрытых пеплом незнакомцев меньше всего похожи на знатных людей.

Я двигался на полшага впереди, Альбрехт все же спустился по ступенькам и пошел рядом, как и Норберт, с другой стороны, оба все еще настороженные, хотя ускокавшие вперед люди Милфорда всех наверняка уже предупредили, а сами заняли ключевые места.

Дверь во дворец открыта, но гвардейцы, подчеркивая наш статус, перед нами распахнули и тяжелые створки ворот.

Сохраняя благожелательную и беспечную улыбку, я вошел в просторный холл. Далекie стены в статуях, нишах и полуколоннах, выбегающие придворные тут же замирают, суетиться поздно, почтительно кланяются, а женщины приседают.

Издали донесся вопль:

– Король!

Придворные повернулись в ту сторону. В дверном проеме показалась грузная фигура человека в пышных одеждах с лентами через плечо и дорогими украшениями, сзади идет высокий лакей и зачем-то держит над королем, а это явно король, широкий зонтик золотистого цвета.

За королем на почтительном расстоянии следуют его люди. В зале мертвая тишина, стук каблуков великолепных туфель короля раздается так же величественно и державно, как он выглядит сам, а выглядит он прекрасно и величественно, великолепнее смотрится, пожалуй, только разукрашенный конь сэра Альбрехта.

Правда, в последний момент король вспомнил, что, хотя он здесь глава всего, но трое закопченных и перепачканных в золе гостей – люди императора, замедлил шаг, всматриваясь прищуренными глазами.

– Мне доложили, – произнес он важно, но с нотками неуверенности в голосе, – что гости пожаловали самые высокие...

Я сказал весело:

– Да ладно с церемониями, ваше величество!.. Я Ричард, император, а это принц Гуммельсберг и герцог Дарабос. На багер опоздали, так что переночуем у вас, а утром уйдем. Но позавтракать не откажемся. Или вы не предлагаете?

Он смотрел выпученными глазами, его советник что-то быстро-быстро пошептал ему в ухо.

Король вздрогнул и быстро поклонился.

– Ваше величество, – сказал он упавшим голосом, – простите, что не успел с торжественным приемом...

Я отмахнулся.

– В другой раз. Сейчас нам нужно стряхнуть с себя пепел, помыться и сменить одежду!

Он сказал с облегчением:

– Да-да, все будет сделано... Корколан, распорядитесь!

Глава 7

Солнце опустилось за темный край земли, в широкие окна столовой ударили красноватые лучи, заливая багровым огнем стены, стол со стульями и подсвечивая лица сидящих за королевским столом.

Король и королева с одинаково напряженными лицами в своих креслах с высокими спинками, со мной только Альбрехт и Норберт, слуги подают блюда робко и с опущенными головами, так что слухи о страшном завоевателе с Багровой Звезды Зла дошли и в этот медвежий угол, хотя вообще-то королевство выглядит ухоженным, а столица смотрится как великолепный игрушечный городок, за которым ухаживают с любовью.

Альбрехт и Норберт насыщаются быстро и деловито, а я опустил на тарелку обглоданную ножку гуся и сказал с удовольствием:

– Вас тут хорошо кормят, ваше величество. Как урожаи? Сельское хозяйство на высоте?

Он вздрогнул, ответил чуточку быстрее, чем требовалось:

– Ваше величество, все королевство живет согласно указаниям из Волсингсбора!

– Похвально, – заметил я, – весьма похвально. В единстве сила. И в единении. Надеюсь, вас не очень напугали эти слухи насчет Демона Огня?

Он сказал еще торопливее:

– Ваше величество, если бы не ваши люди, мы бы и не узнали!

– У вас обширное королевство, – согласился я. – Много в нем полей, лесов и рек... И города тоже есть, нам сверху видно все.

– Ох, ваше величество... Как мы поняли здесь из слов ваших людей, этот ужас где-то далеко за лесом, ну и пусть уходит подальше... Отсюда даже зарева не видно, хотя ваши люди сказали, пожары просто ужасные...

– Не очень, – заверил я. – И Демон, вы правы, удаляется. Он прошел по вашему королевству по краю. Вам особенно беспокоиться не о чем... А ее величество, как я вижу, больше думает о своем доме, что и правильно. Окраины и пределы – дела мужчин.

Королева, статная молодая женщина слегка за тридцать, слабо улыбнулась, вскинула длинные ресницы, открывая крупные глаза слегка навывкате, влажные и чуточку мерцающие.

– Вы абсолютно правы, – проговорила она мягким женственным голосом, – ваше величество.

Альбрехт едва слышно хмыкнул, конечно же, император всегда прав, а если неправ, то все равно прав, за его спиной грозно мерцает багровый отсвет Звезды Зла, подтверждая правоту во всем.

Я поднялся первым, получилось несколько неловко, все поспешно поднялись тоже, в том числе и король с королевой, а это же они здесь хозяева, я не учел, что короли тоже как бы маленькие императоры, трапезничают медленно и величаво, а я жру по-военному быстро, вон перед ними еще пироги нетронутые...

- Продолжайте, - сказал я, - продолжаете, похвалите своих поваров, они постарались!

Милфорд открыл передо мною дверь, я вышел в коридор, а там ко мне с почтительнейшим поклоном подошел один, как понимаю по одежде и регалиям, из королевских советников.

- Ваше величество, - спросил он шепотом, - кому разрешите согреть свою постель, королеве или ее двум дочерям?

Я уточнил:

- Сразу двум?

- На выбор, - ответил он с мужской солидарностью. - У императора всегда должен быть выбор!

Я отмахнулся.

- Дочерей не видел, рисковать не стоит, а королева вполне... Да и в дипломатическом протоколе королева выше принцесс. Ритуал нужно соблюдать по всей строгости.

Он отступил и поклонился.

- Будет сделано, ваше величество. Вы настоящий государственный деятель!.. Спать - так с королевой, а что принцессы?.. Не каждой из них суждено стать королевой, лучше уж готовую...

Он даже сделал некоторое движение руками, что можно было истолковать «...и с сиськами», если бы осмелился обрисовать почетче, все-таки и так чуточку позволил себе перейти грань фамильярности, мы хоть и оба самцы, но в разных весовых категориях.

Я кивнул, понимая и прощая, все-таки только очень интеллигентный человек и с большим запасом слов может обрисовать женские прелести без жестикуляции.

Он догнал, забежал чуточку вперед и спросил уже без всякой самцовой солидарности:

– Ваше величество, изволите ночь провести в королевской спальне?

Я подумал, покачал головой.

– Не будем тревожить короля.

– Ваше величество?

– Пусть спит, – пояснил я, – где привык. В своей постели. Думаю, для меня свободную комнатенку со свободной койкой отыщут.

Он поклонился.

– Да, ваше величество. А ее величеству я лично покажу дорогу.

За окнами темно, лишь одна звездочка сиротливо мерцает между застывшими облаками. В комнате горят все свечи, но вошел молчаливый слуга и, обойдя все светильники, загасил экономными движениями, не делая ни единого лишнего жеста, оставив только одну возле огромного роскошного ложа.

Если это не королевская спальня, то явно одной из принцесс, слишком ярко, сильно пахнет духами и притираниями.

Я сбросил одежду и рухнул на постель, все еще в тяжелых думах, как же остановить эту огненную сволочь, к которой даже приблизиться невозможно.

Дверь из коридора тихохонько приоткрылась, в щель скользнула женщина в плаще с накинутым на голову капюшоном.

Я смотрел на нее молча, она приблизилась короткими шажками, ее голос прошелестел мягко и женственно тепло:

- Ваше величество, почему вы не в королевских покоях?

- Королевские там, - ответил я галантно, - где королева.

Она слабо улыбнулась.

- Вы удивительно любезны, ваше императорское величество. А про вас рассказывают такие ужасы!

- Я их сам придумываю, - сообщил я. - Такое удовольствие, знаете ли!

Она все еще стеснялась, я задул свечу, все равно глаза привыкли в полумраку, к тому же осталась еще крохотная свеча у входа, там огонек не высовывается из-за края чашки, освещая только круг на потолке.

Королева наконец-то решилась сбросить плащ, а я все еще лежал, закинув ладони за голову, в голове теснятся образы Демона Огня, угадываю нечто смутно знакомое, королева опустила рядом и, не дождавшись от меня реакции, выждала некоторое время, потом осторожно принялась чесать, поглаживать и снова чесать те места, что мы все так любим.

Я лениво подумал, что не прогадал, выбрав королеву. С дочерьми пришлось бы возиться, а эта знает, что самцам нужно и как нужно, вон как старается во имя престижа своего королевства, повышая его рейтинг и работая на имидж, все хорошо, но как же все-таки остановить этого Демона Огня...

Да, всплыла мысль еще раз, с принцессами, особенно если еще девственницы, пришлось бы деликатничать и стараться не обидеть словом или жестом, а

королева уже взрослая, за тридцать, понимает, в жизни не все идет так, как хочется даже королям.

Я тоже понимаю, все мы встроены в огромную всечеловеческую систему, и хотя все бунтари, особенно мужчины, однако, если бунтовать по любому поводу, никакого бунтарства не хватит, потому мы с королевой приступили, как в синхронном плавании, к обязательному ритуалу приветствия императора в его владениях.

Королева умница, понимает, бунтовать нужно только в случаях, когда бунт принесет какие-то дивиденды, а бунт ради бунта даст только неприятности и ухудшение отношений с метрополией.

Потому она исполнила все по протоколу в точности, малость даже сверху, а почему бы и нет, мужчины все одинаковы, а когда я слез с ее пышного тела и плюхнулся на роскошную перину рядом, деловитым шепотом поинтересовалась:

– Ваше величество... что-нибудь еще?

– Все прекрасно, – заверил я, – вы сняли груз с моей души и разгрузили чресла.

Она приподнялась на локте.

– Я пойду?

Я покачал головой.

– Королева, вы такая нежная и теплая, как молоко с медом!.. Спите здесь, мне так приятнее.

Она мягко улыбнулась.

– Спасибо, ваше величество. Не всякой королеве удастся провести ночь с императором!

– У нас будет хорошая ночь, – заверил я. – Я не храплю, не лягаюсь и не стягиваю одеяло. По крайней мере никто такое не сказал.

Она улыбнулась понимающей улыбкой – какая дура осмелится такое сказать, может вылететь не только из постели, но из дворца и даже из столицы.

Я протянул руку на ее подушку, у женщин между затылком и плечами удобная такая впадина, как будто Господь сделал для того, чтобы женщина спала, положив голову на мужскую руку.

Хорошее такое ощущение для обоих, женщина чувствует защиту и опору даже во сне, никакой серенький волчок не ухватит за бочок, а для мужчины важно то, что он доминантит и дает самочке защиту, как и заложено в наши гены.

Ночь в самом деле была чудесной, спали крепко, я подгреб ее, вжав в свое пузо, как мягкую игрушку, как-то невзначай вдул еще разок, тут же заснули крепко и мирно.

Разбудил нас Милфорд, на время моего визита его люди охраняют все подступы к спальне, а щедро розданные им амулеты не позволят приблизиться никакому незримнику.

– Ваше величество...

Я встрепенулся, распахнул глаза. Он выпрямился, лицо непроницаемое, но в глазах веселые искорки, королева еще рядом с закрытыми глазами, прекрасная, как Диана в расцвете стандартов женской красоты эпохи: мягкая, нежная, с заметно излишним весом, что лишь придает женственности, когда мягкая плоть так и просится в наши хищные лапы.

– Ого, – сказал я, – давно так крепко не спал.

Пытаясь высвободить руку из-под женской головы с бесстыдно распущенными волосами, нечаянно разбудил, королева во всю ширь распахнула огромные глаза.

– Ох... уже утро? Давно так крепко не спала... Простите, ваше величество...

Я поднялся, торопливо оделся, королеве галантно бросил ее длинный плащ-халат.

– Ваше величество, скоро завтрак, там увидимся.

Милфорд вышел за мной следом, уже в коридоре сказал в спину:

– Багер в сторону столицы метрополии будет через два часа.

– Прекрасно, – сказал я. – За два часа нажремся так, что из-за стола не вылезем.

Он сказал бодро:

– Здесь даже простых вельмож носят в носилках!.. Распорядиться?

– Я тебе распоряжусь, – ответил я беззлобно. – Жаждете опустить императора, словно это вас самих поднимет. Это приблизит, но не поднимет, почувствуйте разницу!

Внизу суетятся местные слуги, но у входа в зал бдят мои орлы, там же беседуют Альбрехт и Норберт.

Оба повернулись в мою сторону, сдержанно поклонились.

– Ваше величество, – произнесли в один голос, а Норберт добавил: – Как спалось?

– Без намеков, – отрезал я. – Моему величеству везде хорошо, в том числе и спится весьма даже. Я здоров, бодр, хоть и не пьян. Пойдемте питаться, чего ждете?

– После вас, – ответил Альбрехт учтиво. – Мы на виду, ваше высочайшее величество!.. Блюдем и соблюдаем.

– Блюдите, – разрешил я. – Свита играет короля, а я уже император... А что, пахнет вкусно!

– Повара всю ночь трудились, – доложил Норберт. – Мои ребята даже беспокоиться начали, что это они так... То один бегал проверить, то другой.

– Бегал на кухню, – уточнил Альбрехт, – а возвращался степенно и распустив пояс. Кое-кто даже живот поддерживал ладонями.

– Это уже враки, – сказал Норберт. – Принцу не к лицу говорить такое.

– Его величество, – ответил Альбрехт и указал глазами в мою сторону, – еще не утвердил приказ. А герцогу все личит.

Впереди небольшой отряд музыкантов с трубами в руках, завидев нас, вскинули их раструбами кверху. Звонкий вопль фанфар пронесся по всей анфиладе залов, предупреждая, что грозные гости короля направляются в комнату для завтрака, поварам пора приготовиться к выходу.

В роскошно украшенной комнате в центре стол на семерых, я успел рассмотреть едва заметные вмятины от ножек стола подлиннее, все понятно, заменили уже утром, точно узнав, сколько человек будет на королевском завтраке.

За столом, подчеркивая более высокий статус гостей, уже ждут король с королевой и двумя молодыми девушками, судя по всему, принцессами.

Я с ходу окинул их взглядом и еще раз похвалил себя за мудрый выбор, пусть и неосознанный, в пользу королевы. Дочери очень миленькие и хорошенькие, созданы для трепетных отношений и пылких клятв в вечной любви, и хотя такое в жизни королевских дочерей встречается крайне редко, но пусть не я сообщу такую огорчительную новость.

Король с королевой и дочерьми синхронно встали, король поклонился, а королева и дочери разом присели.

– Доброе утро, – сказал я благожелательно, – можете сесть. Это мои соратники, принц Альбрехт и герцог Дарабос, вы могли с ними пообщаться вчера вечером... И что у нас на завтрак?

Король сказал торопливо:

– Ваше величество, наши повара всю ночь старались сделать хоть что-то постоличному.

– А мы, – уточнил я, – разве не в столице?

– Ваше величество, – воскликнул он патетически, – что наша столица затерянного на просторах империи крохотного королевства в сравнении с блистающим Волсингсбором!..

Молчаливые слуги быстро подносили на носилках блюда, из которых мы указывали, что и сколько перелопатить нам на тарелки, все это поспешно перекладывалось в первую очередь гостям, потом королю и королеве, явно было указано заранее, как и что, вряд ли слуги знают правила протокола для таких редких случаев, как визит императора.

В нашу сторону слуги стараются не смотреть, пряча испуг, Альбрехт и Норберт ведут себя совершенно естественно, хотя, полагаю, спали тоже не в одиночестве, знатные дамы вчера вечером смотрели на обоих влажными глазами, а я подумал с некоторой грустью, что вот эти свободные для нас, северян, отношения становятся не то чтоб такой уж обыденностью, но уже не возмущаемся, даже не изумляемся так уж, как было вначале, почти что уже приняли, а некоторые еще как приняли!

Вино подавали, естественно, лучшее, я попробовал и согласился с Альбрехтом, что ничуть не уступает императорскому. Король засиял от счастья и довольства, королева улыбнулась и тоже посмотрела благодарными глазами, словно похвалил ее лично за ее старания.

Я все еще чувствовал некоторое неудобство: сказывается северное воспитание, у нас на чужую жену нельзя даже смотреть похотливым взором, но тут другая мораль, главное в которой – стабильность и незыблемость власти императора, с чем я тоже весьма и еще как согласен.

К тому же в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Если так принято, то я весьма послушен, понимаю, ритуал с женами королей служит укреплению централизованной власти. Когда власть крепка, то это благополучие и уверенность населения в завтрашнем дне.

В конце трапезы подали сладкие пироги и мелкое печенье с медом. Обе принцессы чуть осмелели и, пугливо поглядывая на меня круглыми коровьими глазами, потихоньку чирикали, робко улыбались Альбрехту и с опаской смотрели

на сурового Норберта.

В зал заглянул Милфорд, я перехватил его взгляд, как и все замечающий Норберт.

Все трое разом поднялись из-за стола, картинно красивые, статные и преисполненные величия.

– Спасибо за трапезу, – сказал я королю, – и за теплый прием. У нас останется самое лучшее впечатление. С Демоном Огня разберемся, обещаю!.. Сейчас наши люди продолжают преследование...

Мы покинули трапезную, а в коридоре Милфорд сообщил деловито:

– Ваши кони оседланы, все готовы!

– А где Бобик? – спросил я.

Милфорд ответил с понимающей улыбкой:

– Вчера заснул на кухне.

– Скотина, – сказал я с сердцем. – Ладно, пусть спит, предатель!.. Сколько до багера?

– Успеем на рысях, а то и шагом.

– Тогда по седлам, – велел я.

Глава 8

Наверх по ступенькам причальной пирамиды кони поднимаются все же охотнее, это спуск страшит и доставляет неудобства, а сейчас без особых понуканий взбежали на самый верх, с облегчением перевели дух и замахали пышными

хвостами.

На посадочной площадке абсолютно пусто, явно либо король распорядился очистить для высоких гостей, либо Норберт принял меры во имя величия имперской власти.

Багер все же пришлось подождать, мелькнула даже дикая мысль воспользоваться поясом, перемещаться могу и без Маркуса, но бросать отряд не к лицу, сам привел и сам уведу.

- Сэр Норберт, - распорядился я, - оставьте и здесь наблюдателей...

Он прервал:

- Ваше величество, дело слишком серьезное и опасное, чтобы перепоручить кому-то. Могут быть неожиданности, лучше прослежу за чудовищем сам.

- Только никаких геройств, - предупредил я.

Он ответил серьезно:

- Сэр Ричард, видно же, любой превратится в пепел раньше, чем подойдет ближе чем на пять шагов к огненному озеру...

Милфорд, всматривающийся в небо, прокричал радостно:

- Ваше величество, багер!

Высоко в небе показалась быстро снижающаяся платформа. Альбрехт сказал Норберту очень серьезно:

- В самом деле не рискуйте, дорогой друг. С таким неприятелем мы еще не сталкивались.

Норберт кивнул и, не дожидаясь, пока багер коснется боком платформы, повернул коня и пустил его в сторону спуска.

Багер раздражающе долго стоял, хотя все мы давно погрузились, что значит, совсем не учитывает наши интересы, а действует по давно запущенной программе, когда перевозил не людей, а добытые в мантии, а то и в земном ядре материалы.

Еще дожидаясь багера, а потом и почти всю обратную дорогу разведчики жарко спорили о Демоне Огня, одни доказывают, что это происки Великих Магов, другие подозревают Странствующих.

Нашлись и умеренные, отстаивают самую рациональную точку зрения, что это просто древний демон пробудился от тысячелетнего сна, вылез и прет спросонья, еще не продрал глаза. А вот когда совсем проснется или наткнется на того, кто посмеет бросить ему вызов...

Келляве беседовал с Альбрехтом, а когда я прошел мимо к поручням, спросил живо:

– Ваше величество, а как зовут короля?

– Короля? – переспросил я и с некоторым стыдом вспомнил, что даже не спросил имя женщины, с которой провел ночь, хотя не просто женщина, а королева. – Вы правы, сэра Гастон... Мы совсем охамели. Все пожрали на столе, а имя не спросили.

– Вы император, – напомнил он.

– Да, – согласился я, – император уже не совсем человек.

Он поклонился и отошел, а я остался у дальнего края, рассматривая через поручень, как внизу проносится зеленая поверхность, изрезанная холмами.

Пришла мысль, что Карл Великий, завоевывая все больше королевств, первым столкнулся с проблемой, как удержать огромную империю, если гонец из столицы несколько недель скачет, меняя коней, с письмом в дальний город. Тогда Карл попытался решить проблему раздачей дальних королевств под управление своим самым верным и преданным друзьям, образовав так называемые майораты, управляемые майордомами.

Так и существовала империя, вроде бы единая, но все же королевства не участвовали в ее жизни, если не считать собираемую раз в году подать, потому в условиях децентрализации отдельные части империи нередко становились намного богаче и могущественнее центра метрополии.

Майордом Карл Мартелл собрал у себя войско и в битве при Пуатье, откуда рукой подать до Парижа, разбил армию халифата, навсегда остановив натиск ислама на Европу, а про тогдашнего короля кто вспомнит?

Князь Владимир, когда подвластный ему новгородский князь Ярослав, кстати, его родной сын, отказался выплачивать собранную подать, велел мостить дорогу для похода на Новгород, потому что провести армию до Новгорода через дремучие леса и множество болот – задача очень непростая. Но пока засыпали болота и готовили хоть какую-то дорогу, Владимир умер, а расчетливый Ярослав сел на его престол и стал верховным князем.

Здесь, в империи, проблемы дорог нет: багеры соединяют метрополию с самыми дальними уголками империи, а гвардия императора на местах бдит, чтобы местные сепаратисты не разрушили причальные пирамиды. Такие инциденты хоть и редко, но случаются, гвардейцев тоже удается иногда переманить на свою сторону обещаниями благ, титулов, имений.

Потому огромная империя живет полнокровной и строго централизованной жизнью. Указы из метрополии достигают самых отдаленных уголков империи за сутки-двое, шпионы императора бдят, а если что не так, через два-три дня с багера высадится императорская армия и во имя мира и спокойствия задушит даже намеки на сепаратизм.

Потому такое строгое соблюдение протокола подчинения местных властей императору, в том числе и это, когда прибывшему сюзерену покорно предоставляется в распоряжение все, даже свои жизни и жизни своих жен и детей...

Империя Скагеррака, теперь уже Ричарда Блистательного, или как его там, велика, я успел даже вздремнуть, углубившись в нелегкие думы о тяжести имперской короны, хотя и чувствовал, что разговоры вблизи приутихли, чтобы не будить своего полевого командира.

В какой-то момент через полусон услышал, как на другой стороне багера Милфорд звонко прокричал:

– Готовимся, готовимся!.. Сейчас покажется Волсингсбор!

Когда край багера мягко коснулся причальной платформы, служители ловко распахнули дверцы и поспешно отступили, но лавина всадников придержала коней, давая дорогу блистательному и чудесному коню императора.

Первым вниз по ступенькам, нарушая все правила, понесся Бобик. Оскорбленный арбогастр ринулся следом так, что я вынужденно откинулся всем корпусом на круп.

Из города в экипажах и повозках, запряженных празднично разукрашенными конями, спешат знатные и очень знатные, а у подножия пирамиды я с удивлением увидел сэра Джуллиана Варессера и троих его ближайших помощников.

– Давно ждете? – крикнул Альбрехт. – Или к каждому багеру выходите?

Сэр Джуллиан ответил лучезарнейшей улыбкой, весь сияет, как утреннее солнышко, омытое теплым летним дождиком. Даже глубокие морщины расправились, когда рот от непонятого нам пока счастья растянулся до ушей.

Я придержал коня, взирая с удовольствием на лорд-канцлера сверху вниз, хоть здесь все благополучно, судя по его державному лицу, в тишине и покое выработаю стратегию по борьбе с Демоном Огня...

– Ваше величество! – провозгласил он с чувством. – Нам с блеском удалось завершить ту превосходную операцию, о которой я вам докладывал... и которую вы молчаливо одобрили!

Арбогастр фыркнул, а я спросил с подозрительной настороженностью:

– Э-э, какую именно операцию?

Сэр Джулиан всплеснул руками, роскошные кружева взметнулись сверкающей пеной, на лице отразилось изумление пополам с патетическим негодованием.

– Ваше величество!.. – вскрикнул он негодующим в рамках дозволенного голосом. – Речь о заполнении вакантной должности в дворцовом табеле о рангах!.. Четвертая любовница императора – это важнейший фактор международных отношений и внутриимперской стабильности!..

– А-а, – сказал я с облегчением, – вот вы о чем...

Он сказал с живостью:

– Да-да, ваше величество, все в порядке!.. Мы провели долгую кропотливую работу, и она увенчалась!

Я спросил с подозрением:

– Чем увенчалась?

– Заслуженным успехом! – доложил он гордо.

Арбогастр подо мной в нетерпении дернулся, предлагая идти дальше в направлении конюшен, где интереснее.

Я натянул повод и спросил с подозрительностью снова:

– Успехом... А каким успехом?

– Как, – воскликнул он, – это уже блестящий успех! Королева Эрмессинда прибыла полчаса назад! Теперь все вакансии заполнены, члены Имперского Совета вздохнут свободно.

– Э-э... сэр Джуллиан...

Он сказал с пафосом:

– Опасность для империи и всевозможные интриги с этой стороны пресечены на корню, ваше величество!.. Империя стабильна как никогда!

Мне показалось, что за спиной кто-то хмыкнул, это наверняка сэр Келляве, зато Альбрехт похлопал в ладоши, сорвал с головы роскошнейшую шляпу и, не покидая седла, поклонился самым изысканным образом, хоть и без подтанцовки.

– Прекрасно, сэр Джуллиан, – провозгласил он. – Вот что значит великолепный лорд-канцлер!.. Вот как нужно укреплять мощь и безопасность империи!.. Его величество император Ричард Звездный изволит быть доволен и благосклонен.

Я бросил на него злой взгляд, слишком уж в его голосе неприкрытая ирония, однако сэру Джуллиану как с гуся вода, на то он и канцлер, раскланялся в ответ, даже учтиво помахал рукой на уровне колен, с достоинством принимая комплименты и благодарности.

– Сэр Джуллиан, – начал я угрожающим тоном и запнулся.

Группа членов Имперского Совета раздвинулась, все сорвали с голов шляпы и склонились в почтительном приветствии. Вперед вышла, раздвигая их, как коза кустарник, молодая сочная женщина с мощной грудью, что рвется наружу из низкого выреза платья. Вся предельно пышная, с настолько огромной вздернутой задницей, что у меня тут же мелькнула картинка, как ставлю ей по фужеру с вином на мощно приподнятую грудь, а еще два кубка с вином, а то и два кувшина, на ягодицы.

И вообще, показалась больше похожа на выросшую на природе мощную доярку, круглолицую, краснощекую, с толстыми выпяченными губами, милыми ямочками на щеках и круглым девичьим подбородком.

Сэр Джуллиан проговорил торжественным голосом:

– Ваше величество!.. Мы готовили торжественный прием, но королева Эрмессинда настояла, чтобы встретить вас без всяких церемоний прямо как прибудете...

Голос его стал слегка растерянным и чуточку приутих, зато пышногрудая легко присела в реверансе, тут же поднялась, не дожидаясь моего разрешения, и прочирикала таким свежим и сладким голосом, словно и родилась на деревенской пасеке:

– Ваше величество!.. Я счастлива представлять мое королевство при императорском дворце!.. Это честь, и все в моем Эммагальде рукоплещут и поздравляют...

Я застыл, не успевая сориентироваться, зато Альбрехт ответил жирным, как трехдневные сливки голосом:

– Ваше величество, император Ричард сердечно приветствует вас! И выражает уверенность, что ваше взаимное сотрудничество... во всех сферах и на всех уровнях... будет теплым и плодотворным во имя укрепления мира и дружбы между народами!

Она заулыбалась во весь рот, умильные ямочки на пухлых розовых, как у молодого поросенка, щечках стали еще глубже.

– Я постараюсь, – сказала она щебечуще, – сэр...

Я бросил повод в лицо одного из придворных, ошарашенного таким жестом, вытащил ступни из стремян и соскочил на землю.

– Альбрехт, – подсказал я, скрывая раздражение, – герцог Гуммельсберг!.. Уже почти что принц.

Она сказала в его сторону милостиво, как и должна разговаривать королева с угодившим чем-то ей герцогом:

– Постараюсь, сэр Альбрехт. Я потрясена и глубоко тронута, что мне выпала честь представлять мое королевство на таком уровне в империи!.. Я приложу все усилия, чтобы достойно и ревностно...

Что несет, мелькнула сумрачная мысль. Должна же понимать свою роль? Как это достойно и ревностно в постели, словно вокруг ложа соберется строгая

экспертная комиссия и будут всматриваться в ее па, как в фигурном катании или в греко-римской борьбе, скрупулезно оценивая нюансы, чтобы не ошибиться с баллами.

Хотя следом пришла более трезвая мысль, она имеет в виду присутствие на церемониях и прогулки по саду. Как раз тех мыслей, которые я приписываю, у нее наверняка нет. Там все просто и буднично, раздвинь ноги и жди, когда властелин наконец-то всхрапнет и рухнет на постель рядом.

Ничего интересного, все мужчины одинаковы, а вот блистать при императорском дворе, видеть торжественное прибытие иностранных послов, участвовать в грандиозных карнавалах... да, это круто для провинциального королевства.

Я кивнул ей и направился к главному зданию. За моей спиной кто-то из моих орлов сказал тихо:

– Я же говорил, выберут ту, у которой сиськи больше!

Арбогастра, судя по звонкому цокоту копыт, повели к конюшням, зато, распугивая придворных, к нам протолкался громадный и черный пес с горящими багровым огнем глазами.

Королева ахнула:

– Ой, какая у вас большая зверюшка!.. Обожаю крупных собак!.. Иди сюда, моя лапочка...

Бобик подошел настороженно, женщинам доверять нельзя, знает, а она уверенно, словно делает это каждый день со своими телятами на ферме, мощно почесала ему за ушами, поскребла лоб. Он вильнул хвостом и сразу посмотрел на нее невинными, как у ангела, голубыми глазами.

Сэр Келляве с одобрением хмыкнул, Альбрехт хохотнул, а Бобик пошел рядом с королевой, то и дело подставляя огромную башку под ее скребущие пальцы.

– Предатель, – буркнул я горько, – все вы такие...

– Женщины зло, – согласился Келляве, – всегда вот так... Даже между друзьями вбивают.

– Вколачивают, – сказал Альбрехт.

В холле я остановился, Эрмессинда тоже остановилась, послушная, как солдат моей армии, румяное лицо остается таким же лучезарным, а от всей фигуры веет счастьем и радостью, словно ее тоже чешут и гладят.

– Ваше величество, – сказал я, – раз вы прибыли только что, вам нужно отдохнуть, а уж мне тем более. Встретимся за ужином!

Она с готовностью присела в поклоне, но это здесь дамы приседают с прямыми спинами, а в их королевстве, видимо, легкий присед соединен с глубоким поклоном, я заметил, что взгляды Альбрехта, Келляве, Милфорда и даже сэра Джуллиана тут же прикипели к мощным полушариям, что и при вертикальном положении стремятся выдвинуться вверх из-под сжимающего их корсета.

Нет, не вывалились, хотя уже почти вот-вот, Келляве даже вздохнул разочарованно. Все мы почти нехотя двинулись по лестнице на мой этаж. На лице Альбрехта все еще тлеет ухмылка, я прочел в его взгляде, что важнейшая тема спасения империи от Демона Огня отодвинулась под таким напором.

Вот так и рушатся империи, ответил я мысленно. Все дряхлеет, а здесь за пять тысяч лет вообще рассыпалось бы в песок, не будь чудовищной мощи Великих Магов...

Незримая ледяная лапа проникла в грудь и сжала в огромной ладони сердце. Тоска и холод заполнили внутренности, я в страхе напомнил себе, что маги вот-вот поднимутся на поверхность, а в такой ситуации, оставшись без Башен, могут и объединить усилия в борьбе против общего врага, посмеявшегося бросить им вызов.

Мои лорды неотступно идут за спиной и по лестнице на мой этаж, прикрывая своего императора, особенно бдит железоблещущий Келляве, я кивком велел Альбрехту держаться рядом, он поклонился с самым смиренным видом, мы же на публике.

- Ваше величество?

- Сэр Альбрехт, - велел я на ходу, - проследите, чтобы дворцовые летописцы порылись в старых книгах! Историков собрать и по всему городу! Неужели за все пять тысяч лет не случилось ничего подобного или похожего?..

Он на ходу сорвал с головы шляпу, роскошнее которой я еще не видел, ухитрился поклониться, не сбиваясь с шага.

- Ваше величество...

Я спросил строго:

- Что вам опять не так?

- Да все так, - заверил он. - Просто подумал, что вы что-то слишком часто стали поручать такие дела, насчет которых можете распорядиться и сами...

- И что вас тревожит? - поинтересовался я холодно.

- Почему так, - ответил он.

- Ничего секретного, - пояснил я. - Император должен быть избавлен от житейских забот и мелких проблем. Это мы знаем, что так не бывает, но мало что как нам кажется!.. Народ должен зреть, что император только пьет, ест да чужих жен пользуется! Чужие всегда выше ценятся в этих делах, чем ничейные.

Наверху на лестничной площадке, широкой, как зал, местные лакеи, одетые, как тропические попугаи, и мои гвардейцы, все стараются выглядеть барельефами на стене.

Я милостиво кивнул своим, как-никак по моему указу все участвовавшие в битве с филигонами пожалованы дворянством, на их лицах проступили сдерживаемые улыбки.

Альбрехт на ходу покосился на молчаливого Келляве, тот шагает тяжело и уверенно, как каменная статуя Командора, что явилась за Дон Жуаном.

– Граф вон тоже так думает. Растете, сэра Ричард. Честно говоря, когда Митчелл уговорил меня помочь вам в схватке с тем заносчивым бароном, вы тогда были, уж не обижайтесь, честнейшим дурак дураком, если сравнивать с нынешним проходимцем на троне...

– А что обижаться, – ответил я. – Это же признание, что сейчас я умнее. Или хотя бы опытнее, а опыт – это почти мудрость или достойная замена. Как я понял, вы хотите увильнуть?

– Нет-нет, – сказал он поспешно. – Просто вопросы подобного порядка если и возникали раньше, их решали Великие Маги... Возможно, стоит дождаться, когда выйдут из убежищ?

В его нарочито елейном голосе прозвучали едва скрытая угроза и напоминание, что надо быть готовыми. Понятно же, Великие Маги сразу же предпочтут расправиться со мной, дерзновенно уничтожившим их Башни, лишь потом будут решать проблему Демона Огня.

– А сколько в пещерах пробудут? – спросил я. – Точно знаете?.. Нет?.. А вдруг Демон Огня успеет за это время уничтожить всю империю и Волсингсбор?.. Нужны постоянные замеры, а то вдруг он был с горошину, когда вылез, а теперь с каждой пройденной милей набирает вес и мощь?

Далеко в коридоре гвардейцы распахнули двери в мой кабинет, мы прошли несколько шагов, Альбрехт помалкивал, вместо него пробасил Келляве:

– Я тоже уверен...

– Что Демон Огня растет?

– Что Великие Маги выйдут раньше.

– Но Демон Огня, – сказал я строго и с патетикой с голосе, – каждый день уничтожает леса, озера и болота, а это нетленные сокровища и богатства нашей родины и державы!.. Он обесценивает наши активы, что умножают наши богатства и входят в Фонд Будущих поколений!.. Потому мы должны и обязаны!

Мы остановились перед распахнутой дверью, Келляве сказал с должным смирением графа перед императором:

– Ваше величество, все сделаем.

Альбрехт уточнил:

– Немедленно всех усадим за поиски в летописях.

– Привлеките персонал, – велел я. – Проверьте от и до! Точнее, пусть проверят, а вы проверите их, а то знаем мы этих танцевальщиков. Действуйте, принц, с той же энергией и предприимчивостью, будто имеете дело с женщинами!.. И вы, граф!

Альбрехт сказал вежливо:

– Ваше величество... ваши консервативные взгляды здесь, на Юге, выглядят весьма... ну вы поняли. Или у вас в самом деле начались трудности со здешними женщинами?

– Ерунда, – сказал Келляве, – если его величеству осточертели эти покорные, то можем организовать таких, что сопротивляются. Принц Гуммельсберг уже всех знает!

Альбрехт нервно дернулся.

– Простите, граф, но вы мне черт знает что приписываете!

– Разве не льстит? – спросил Келляве с удивлением. – Я же вижу, какая у вас шляпа и с какими перьями! Все женщины точно ваши.

В течение дня ко мне то и дело посылали гонцов с найденными записями, но все не то, просто красиво, напыщенно и велеречиво о чудесах, волшебстве и явлениях.

Келляве даже не взялся читать богомерзкие описания, Альбрехт начал было, но вскоре отодвинул со вздохом:

– Ваше величество...

– Да, – согласился я, – похоже, с таким феноменом здесь впервые. Ладно, что-то придумаем.

Оба смотрят, даже Альбрехт, с надеждой, я при всех глупостях и промахах все же первым находил какие-то пути решения в прошлом, так что обязан быть на высоте и теперь, иначе как-то не по-императорски.

Келляве сказал мрачно:

– Наверное, после ужина придумаем быстрее... А то у меня на голодный желудок мысли в голове слишком легкие, как жареные перепелки в подливке с орешками и земляникой...

– Да, – согласился Альбрехт, – пора топать на ужин. Ваше величество, придется ритуальничать, раз вы во дворце. Здесь только торжественно и по протоколу. В коридоре, кстати, уже дожидается сэр Джуллиан. По-моему, нехорошо старого человека держать там, где нет даже стульчика...

Я торопливо поднялся.

– Что же вы не сказали?.. В самом деле!.. Пойдемте. Ужин пока еще не эшафот, и сэра Джуллиана пригласим.

Альбрехт сказал в спину:

– Увы, только на обед вы вольны приглашать к себе за стол посторонних.

В коридоре сэр Джуллиан, увидев распахивающуюся дверь, поспешно выпрямился и сказал с сочувствием:

– Ваше величество, я понимаю насчет критической обстановки, но блюда остынут...

– Уже идем, – заверил я. – Сэр Джуллиан, мне напомнили, что ужинаю я в одиночестве?

– В полном, – заверил он, – полнейшем. Если не считать жену, которой у вас пока нет, и любовниц... Зато их все четыре, полный комплект!.. Все в порядке, все поместятся.

– Места предусмотрены? – спросил Альбрехт.

– Обижаете, – ответил лорд-канцлер, – четыре тысячи лет тому!

За спиной Альбрехт хмыкнул, и что-то звякнуло, словно он ткнул графа Келляве в железный бок.

– Сэр Джуллиан, – сказал я уже на лестнице, – не хочу ломать установленные правила, хотя и надо бы, однако вы как-то сдержаннее с этими ритуалами и дипломатическим протоколом! На ужине что, все четыре официальные любовницы сядут в ряд?

– Можно иначе, – сказал он деловито. – По одной по бокам, две напротив...

– Нет, – отрезал я твердо. – Ни одной!

– Ваше величество...

– У нас военное положение, – напомнил я. – Враг у ворот!.. Наглый и безжалостный. Потому сейчас, в данном исключительном случае, ужин не просто ужин, а военный совет с соратниками!.. Так что женщины в другой раз. Для более раскованного случая. Это вы здесь все играете, а мое величество работает и трудится во благо! И во имя!

Он отступил и учтиво поклонился.

– Как скажете, ваше величество. Уверен, наши юристы сумеют отыскать в правилах этикета пункт о чрезвычайном положении. Но это только в исключительных случаях! Сами понимаете, часто такое применять нельзя...

– Прекрасно, – ответил я милостиво. – А если не отыщут, пусть сообщат, я сам найду. Я еще тот библиофил... Идите и скажите... в общем, сами позаботьтесь, чтобы моему величеству ничто не докучало в моей одухотворенной деятельности.

Он отступил еще на два шага, поклонился, а у самой двери поклонился еще раз. Я стиснул челюсти, пережидая весь ритуал, но в мозгу уже сверкнула великолепная мысль насчет этих древних сводов законов.

Их создавали на протяжении первых двух-трех тысяч лет, и там их наверняка столько, что не трудно будет стряхнуть пыль с некоторых и вписать пару пунктов, расширяющих мои полномочия.

Конечно, наглеть не стоит, чтобы не заметили с ходу, но можно так завернуть, что невиннейшие и серые вроде бы фразы могут предоставить мне солидные полномочия.

А что, никакого криминала, все правители подчищают историю себе в угоду, не я первый.

Когда спустились в нижний зал, гвардейцы в нарядных костюмах уже стоят у распахнутых дверей столовой комнаты, я услышал за спиной, помимо стука каблуков Альбрехта и Келляве, еще и мягкие шаги сэра Джулиана и его хриплое дыхание.

В раздражении я повернулся, он на ходу вытирал лоб большим платком, сразу заговорил быстрым умоляющим голосом:

– Ваше величество! Но если королева Эрмессинда останется неконсуммированная вами, это вызовет определенные слухи! Хуже того, они дойдут до королевства Эммагальд, где вызовут естественные недоумение и

обиду.

– Что, – спросил я сварливо, – даже обиду?

Он воскликнул с жаром:

– А как же!.. Вы тем самым как бы отвергаете представителя удаленного королевства Эммагальд! Нанося ему обиду, а то и оскорбление!.. Пойдут вопросы за что?.. Что королевство сделало не так, что вызвало вашу немилость? Это не скажу, что непростительная ошибка, но все же таких стараются не допускать, ваше величество...

Альбрехт сказал с неудовольствием:

– Дорогой сэра Джуллиан! Вы же понимаете, наше величество еще молодо, потому эмоции плещут, но оно старые книги читало, потому говорит одно, а действует достаточно мудро и как бы взвешенно.

– Ох, – сказал лорд-канцлер, – вы пролили сладчайший бальзам на мою скукоженную душу, дорогой принц-герцог. Надеюсь, что его величество...

– Уверяю вас!

Сэр Джуллиан сказал мне с надеждой:

– Ваше величество, есть простой и легкий выход!

– Да? – сказал я заинтересованно. – Давайте простой и легкий. И чем проще, чем лучше.

– Да проще некуда, – заверил он. – Вы же человек военный, завоеватель, что вам стоит ее консуммировать как полагается, по узаконенным и освященным правилам мироустройства империи, оформленным в виде непреложного этикета?.. То есть в присутствии членов Высшего Совета. Одного раза достаточно, чтобы затем только милостиво отвечать на ее поклоны при мимолетных встречах в залах или на аллеях. Жизнь императора так насыщена, что даже с женой может не видеться годами, что уж о любовницах!

Я поморщился.

– Дорогой, сэр Джуллиан, вы же ее видели? На такую и залезать трудно. Заметили, какая у нее задница? Заметили, по глазам вижу, такое мы сразу замечаем.

Альбрехт сказал лорд-канцлеру:

– Его величество никогда не отступал перед трудностями. Думаю, залезет. А слезать и не обязательно, можно просто сползти, а то и упасть, императорские перины мягче некуда.

Я сказал со вздохом:

– Выберите день, точнее, ночь... а я велю погасить в спальне свечи.

Альбрехт деликатно смолчал, но сэр Джуллиан обронил осторожно:

– Поговаривают, вы и в темноте видите.

– Как можно наговаривать на императора, – сказал я с неудовольствием; какая же свинья проговорилась, теряю часть своих преимуществ. – Хорошо, тогда еще и глаза закрою.

Он ответил с почтением:

– Да-да, ваше величество. Все равно не промахнетесь, королева Эрмессинда достаточно заметна... и на ощупь в любой вашей постели.

– И вы туда же, – сказал я горько.

– Все в интересах империи, – сообщил он с лицемерным сочувствием. – Зато укрепите связь с королевством, которое давно соблазняет Ярборейская империя.

Я насторожился.

– В каком смысле?

– Обещает золотые горы, – пояснил он. – Дело в том, что с нашей стороны только королевство Эммагальд выходит на берег обширного Иссинейского озера, а с той стороны и с боков три или четыре королевства входят в империю Месория.

Он остановился и посмотрел на меня со значением, дескать, догадается ли северный варвар, о чем речь.

– Позвольте, – сказал я, – попробую догадаться. Значит, озеро приходится делить на зоны влияния? Я говорю о суверенном рыболовстве, добыче шельфовых ископаемых... гм, я имею в виду поиск затонувших сокровищ...

Он посмотрел на меня с великим уважением.

– Ваше величество, вы меня поражаете... Вроде бы только что с новой любовницы слезли, а уже рассуждаете... трезво! Все верно: если бы императору Ланготору удалось уговорить королевство Эммагальд войти в состав его империи, все Иссинейское озеро стало бы внутренним озером империи Месория, и никаких больше споров и трений между королевствами! А оно империи Месория чем-то очень ценно.

Я пожал плечами.

– Тогда, может быть, просто отдать?

Он взглянул с укором.

– Ваше величество...

– А что, – сказал я, – если тамошний император знает, что с ним делать... Но с другой стороны, только я смогу дать народам счастье тяжелого труда ради куска хлеба, а также упоение в изнурительной борьбе за выживание! Так что шиш, ни пяди нашей земли! Еще и чужую объявим нашей.

Он вздохнул, но тут же нахмурился.

– Ваше величество...

– Что?

– Великие Маги не позволят, – напомнил он. – Никаких завоеваний!.. Они без труда останавливают любую армию. А если те упорствуют, то просто...

– Попробую договориться, – пообещал я. – Вообще люблю договариваться. Я же простой император, почти народный.

– Договориться с Магами?

– С кем я только не договаривался, – сообщил я. – Даже с троллями сумел! Правда, тоже на уровне ниже пояса... Зато привлек к почетной службе в рядах нашей победоносной с правами полноправных граждан империи!

Он покачал головой, глядя на меня почти с опаской.

– Чудны дела ваши, ваше величество... А как там северная империя без вас?

Я признался с неохотой:

– Пора навестить, да все некогда. Но после нашей победы над филигонами и захвата Багровой Звезды Зла, уверен, на Севере ни один король не посмеет оспорить мои права. Вы же не думаете, что я взял с собой в экспедицию на Юг всю армию?

Он помотал головой.

– Нет-нет, ваше величество!.. У нас издавна ходят слухи о многочисленных свирепых народах на далеком северном континенте за океаном, которых больше, чем звезд на небе и песчинок на морском берегу... И говорят, настанет конец света, если сумеют найти к нам дорогу.

– Конец света мы отменили, – напомнил я. – Именно своим появлением. Хорошо, сэра Джуллиан, насчет консуммации мы договорились. Что-то еще?

– Только ужин, – сообщил он, – но с ним, почему-то уверен, справитесь.

Стол накрыт красной скатертью с неизбежными золотыми нитями по кайме, для меня красная скатерть – это для того, чтобы пятна от красного вина не бросались в глаза, но, думаю, для императоров не так важно сохранить вид скатерти, как что-то показать цветом и даже рисунком на самом обширном полотнище.

За столом со мной только Альбрехт и Норберт, а правительство во главе с лорд-канцлером, как и положено по протоколу, стоит в двух шагах. Лица неподвижные, никто не шевельнет и пальцем, нельзя привлекать внимание, точнее, нельзя отвлекать от важного процесса принятия пищи императора и наиболее доверенных и облаченных лиц.

Другое дело, если император изволит сам обратиться с вопросом или пожеланием...

– Сэр Джуллиан, – спросил я, – у меня вопрос к вам насчет той блистательной операции, которую вы с таким успехом провели на дипломатическом фронте и одержали внушительную победу...

Он не сделал даже полшага вперед, как я ожидал, поклонился с места и ответил с угодливым достоинством:

– Имеете в виду королеву Эрмессинду, ваше величество?

Я вытер рот и пальцы салфеткой, у нас на Севере в таких случаях принято вытирать об одежду слуг или их волосы, подтвердил суровым голосом, чтобы согнать улыбочки на лицах Альбрехта и даже Норберта:

– Да, королеву. Ту, которая с такими.

Показывать не стал, мужчинам и так понятно, он насторожился, при всей победности операции у меня все же вопросы, спросил искательно:

– Ваше величество?

– Нельзя ли, – поинтересовался я, – ей оставаться моей любовницей чисто номинально? Предположим, хоть вы и не поверите, что я одухотворенная натура и мне плотские запросы моего естества уже поперек горла!..

Он поклонился и сказал с сильнейшим сомнением фальшивейшим голосом:

– Ну как же, как же, ваше величество, мы вам абсолютно верим! Вы как бы поэт, хоть и с длинным мечом в руке...

– Зато с лирой в другой, – напомнил я. – Лира – это такой музыкальный струмент, на ней играют, хоть и неудобно, нужны хорошие когти, на барабане сподручнее. Мы же вроде бы государственные интересы соблюдаем? А все остальное тлен и суета!

Он вздохнул, развел руками и даже смиренно опустил очи долу.

– Ваше величество, можно все, но нужно ли?.. Пойдут слухи...

– Слухи идут всегда! – напомнил я. – Что я за император, если не будет слухов?

– Но другие, – уточнил он, – умаляющие ваши мужские достоинства... а надо ли вам такие обидные? Пойдет шепоток сперва по дворцу, что вы игнорируете королеву Эрмессинду, а это значит, тут же узнают представители королевств... Выразят недоумение, потом последует запрос, наконец, дойдет и до официального протеста... А нужно ли некоторое... нет, еще не обострение, а некоторое охлаждение между центром и провинциями?

Альбрехт сделал значительное лицо, толкнул локтем Норберта. Тот и так сидит очень серьезный, но он всегда серьезен, только кончики усов подозрительно бодро приподнялись.

Я скривился, махнул рукой.

– Ладно, как-нибудь потом. Назначьте определенную дату, чтобы все успокоилось, но подальше, подальше... Можно на следующий год.

Сэр Джуллиан поклонился.

– Ваше величество, мы просмотрим ваш донельзя загруженный график и отыщем время для этой... гм... церемонии.

Альбрехт, на которого правительство все чаще бросает умоляющие взгляды, наконец раскрыл рот и изрек так же важно:

– Процедуры. Она не слишком трудная, ваше величество, это вдруг вы не знаете, но в любом случае, ваше величество, ее не перепоручить вашим помощникам и лордам. Есть такие дела, которые, согласно ритуалу, нужно выполнять только самому. Сожалею, но жизнь некоторые вещи заставляет делать добровольно.

– А еще и улыбаться, – сказал я в раздражении. – Знаю, но это правильно, когда касается других.

Сэр Джуллиан и его команда с облегчением перевели дух, Альбрехт пихнул Норберта, но тот промолчал снова, делая вид, что не может оторваться от кубка с вином.

Альбрехт посмотрел на меня с укором.

– Только без зрителей, – предупредил я. – Это же не ритуал консуммации? Надеюсь, уже консуммирована своим мужем?

Сэр Джуллиан сказал с готовностью:

– Уверяю вас, ваше величество, вся процедура была проведена в присутствии государственной комиссии королевства Эммагальд, удостоверена подписями членов Высшего Совета и скреплена Большой Королевской Печатью! Вся комиссия состоит из членов высших родов королевства! Вы вправе, конечно, обойтись без свидетелей, но зачем возможные неприятности, если избежать так нетрудно?

Альбрехт словно бы сжалился над своим императором, все же сюзерен, которого должны защищать, сказал уже более хозяйственным голосом:

– Можно в присутствии комиссии вашему величеству и королеве Эрмессинде лечь в постель. Этого достаточно для соблюдения протокола. Дальше шторы можно задернуть.

– И могу отвернуться, – спросил я с надеждой, – и спать спокойно?..

– Именно! – воскликнул он с восторгом и перевел взгляд на членов правительства.

Лорд-канцлер и вся его команда дружно заулыбались.

– Тогда на этом и поладим, – решил я. – Мир держится на компромиссах. Все остальное – война и обострения.

На лице сэра Джуллиана проступило удовлетворение государственного деятеля, который и с этой важнейшей проблемой международного масштаба справился с блеском.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/orlovskiy_gay/richard-dlinnye-ruki-demon-ognya-i-stali

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)